

Дмитрий Ластов

ЭТО Я

Действующие лица:

ВАСЯ, парень лет двадцати пяти.

СВЕТА, стройная девушка чуть за двадцать.

ГРИША, жилец, около тридцати – тридцати пяти лет.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА, квартирная хозяйка около шестидесяти лет.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА – виртуальный начальник Васи.

Эта история придумана. Любые упоминания имён и фамилий случайны и не имеют к реальным людям и событиям никакого отношения.

Автор просит не повторять действия героев пьесы и не лазить по балконам и лестницам, аккуратно и с вниманием относиться к своим действиям и здоровью.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

(в. 23)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вечер. В комнате темно. Простая по обстановке комната. Стоит письменный стол, шкаф, диван, коробка с вещами в углу комнаты. Выход на балкон. На балконе пожарная лестница, которая идёт и вниз и вверх с внешней стороны балкона. Где-то сверху слышна музыка. Звучит песня «А принцессе можно всё» группы Princesse Angine. Посреди комнаты стоит Света и пританцовывает. Берёт какие-то вещи и крутится с ними в танце. Потом залезает на лестницу и скрывается из виду. Музыка стихает. Свет гаснет.

День. Та же комната. Светло. Слышатся голоса. В комнату входят Гриша и Любовь Юрьевна.

ГРИША. Что позвали-то?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот эту коробку бери.

ГРИША. Столько лет стояла. Чего сейчас-то?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А кто его знает. Копирайтер какой-то въедет. Хакер какой-то. Шут их разберёт. Бери, давай.

Гриша пытается взять большую коробку, но схватить её сразу не получается.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я тут на собрании была в мэрии...

ГРИША. Тяжёлое. Что там у вас?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вещи, вещи. А потом, кто их знает. Развелось тут всяких. Заселишь тут себе под бок какого бандита. Ты смотри, что по телевизору говорят. Одни страсти. Ну ладно.... Так вот, знаешь, я теперь почётная жительница нашего района.

ГРИША. Почётная!?

Гриша поставил коробку и встал в задумчивости.

ГРИША. А про стиралку и микроволновку помните? Вы же обещали поставить сюда, в квартиру.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ой, Гриша, ну что ты заладил. Мне сейчас в церковь бежать, дел столько, комнату надо очистить. Всё настраение испортил.

ГРИША. Ну, конечно...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, что ты... Ну, вот... Ты же моих хлопот не знаешь. У меня же столько денег уходит и на коммуналку, и на то, да на сё. Ну, поставлю, сделаю. Неси.

ГРИША. И чего вы боитесь? Пусть здесь стоит.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Неси, Гриша, неси. Чего встал?!

Гриша поднимает коробку. Дно её рвётся, и из неё вываливаются какие-то коробки, одежда, обувь.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ой! Ну какой ты! Ты неаккуратный! Зачем?

ГРИША. Сами бы несли.

Они начинают собирать вещи обратно. Любовь Юрьевна что-то выносит из комнаты. Гриша ей помогает.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да, да. Ну вот, знаешь, мне сам глава департамента так и сказал сегодня...

ГРИША. Что? Вы про что?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, я тебе говорю, мне сегодня звание присвоили – «Почётная жительница». И мне сам глава департамента так и сказал: «Любовь Юрьевна, вы наше всё, на таких людях держится наша земля русская, спасибо Вам!». Я прямо расплакалась. Так приятно, приятно, понимаешь, Гриша, когда тебя ценят, уважают. Ты давай, неси, что встал?

ГРИША. Да ну...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А я этому главе руку жму, а потом всем собравшимся и говорю, что спасибо вам дорогие, я так растрогана, столько лет я занималась общественной работой – один только вылов бездомных собак чего только стоил, очистка сквера от этих старых ненужных деревьев, борьба, то есть забота об этой непутёвой молодежи... И все, понимаешь, захлопали, в школу пригласили встречу провести, поделиться, так сказать. Потому мне руку все жали, обнимали, целовали... Так приятно! А ведь, никто не оценит моих трудов. Бери, давай, неси.

ГРИША. Да оставили бы здесь.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот, не люблю я кого селить. Вот, не люблю. К тебе-то уже привыкла. Ты и спокойный, и покладистый, и не пьёшь. А вот сейчас кого подселишь...

ГРИША. Так не селите никого. Спокойнее будет всем.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Сказал! А жить мне на что!?

ГРИША. Так, пенсия у вас. Работаете, вторая квартира у...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Много ты знаешь!

ГРИША. Чего вы так людям-то не доверяете?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Умный тут! А грязь-то! Слушай, убери. А то, глядишь, ещё и откажется этот копирайтер сюда вселяться.

ГРИША. Ну щас... Нашли тут...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, Гриша. Ну, что ты. Давай, давай. Мне пора уже. А потом, ещё меня вечером в школу позвали...

ГРИША. Всё обещаете. Ну, надоело. Сколько лет одно и то же. Ни микроволновки, ни стиралки...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Поставлю, поставлю. Ой, ты меня замотал. Мне надо же бежать уже. Бери веник.

Любовь Юрьевна одевается и быстро уходит. Гриша берёт веник, смотрит на мусор. Потом бросает этот веник. Ложится на диван.

ГРИША. Да ну, буду я тут ещё...

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На диване лежит Гриша и дремлет. Через некоторое время по лестнице сверху спускается Света, прыгивает на балкон, подходит к Грише и смотрит на него. Он открывает глаза.

ГРИША. Ты?
СВЕТА. Ага.
ГРИША. Тебе не страшно.
СВЕТА. Что не страшно?
ГРИША. Ну, лазать так.
СВЕТА. Как так?
ГРИША. Ну, по лестнице, по верхатуре.
СВЕТА. Привыкла.
ГРИША. Ещё кто увидит.
СВЕТА. Не увидят.
ГРИША. Почему?
СВЕТА. А люди не смотрят вверх. Они все смотрят вниз. Не замечал?
ГРИША. Не-а.
СВЕТА. Все смотрят вниз, а я хочу смотреть туда, где светит Солнце.
ГРИША. А гримзы не боишься? Что застучает здесь, не боишься?
СВЕТА. Она ушла. Я видела.
ГРИША. Точно, ушла. А ты что не в театре?
СВЕТА. А всё, Гришка, всё!
ГРИША. Что всё?
СВЕТА. А сезон закончился в театре, и я теперь целых два месяца буду свободная.
ГРИША. Тебя там никто в твоём театре не будет больше мучить?
СВЕТА. Ага... и не буду играть эти дурацкие роли.
ГРИША. Что, все дурацкие? А лисичка в этом, как его...
СВЕТА. В «Клочках по закоулочкам».
ГРИША. Ну да.
СВЕТА. Это детский. В детских я люблю играть.
ГРИША. Почему?
СВЕТА. Там всё ясно. А вообще, я хочу сыграть Дон Кихота.
ГРИША. Он же мужчина.
СВЕТА. Вот... Жалко.
ГРИША. И бороться с ветряными мельницами? Сыграй Дульсинею.
СВЕТА. Не хочу. Лучше бороться, лучше Дон Кихота или никого.

Молчание.

ГРИША. Значит, кончились репетиции?
СВЕТА. Ага...
ГРИША. И будешь делать, что хочешь?
СВЕТА. Ну да. В приюте у гаражей Ньюшка родила.
ГРИША. Это та добрая дворняга?
СВЕТА. Ага. Ты не знаешь, у Захарыча в продуктовом когда смена?
ГРИША. А что? Просрочку?
СВЕТА. Да, ртов прибавилось. Машку стерилизовали. Возила её тут.
ГРИША. Я приду к вам туда, притащу, как обычно. Перловку, да... ну и с Захарычем поговорю.
СВЕТА. Ага. Спасибо. А ты чего тут, не у себя?
ГРИША. Прибраться сказала.
СВЕТА. А ты?
ГРИША. А я и прибираюсь. Я чего, дурак ей тут прибираться?! Слушай, помоги. Подмети тут, а!? А то мне не того... Неохота...

Света берёт веник и начинает подметать.

СВЕТА. Гриш, а чего ваша гримза - хозяйка, Игорька то выгнала!?

ГРИША. Выгнала. Чем-то не понравился. Может, в ванной долго мылся, а может, моральным устоям её не удовлетворял.

СВЕТА. Ага! Устоям! Как ты с ней только уживаешься?!

ГРИША. Привык. Да и боится она меня.

СВЕТА. Тебя!?

ГРИША. Ну да. Я вон какой! Она со мной не связывается.

СВЕТА. Она кого нашла уже сюда?

ГРИША. Да вроде. Скоро заедет. Копирайтер какой-то. Кто такой, что за копирайтер?..

СВЕТА. За сколько теперь сдаёт комнату?

ГРИША. Не знаю. Тысяч за пятнадцать.

СВЕТА. Молодой или кто?

ГРИША. Не знаю.

СВЕТА. Если старый, то плохо. А если ещё и тетка какая...

ГРИША. Чем они тебе не нравятся?

СВЕТА. Кто?

ГРИША. Ну, старые, тетки...

СВЕТА. Злые они.

ГРИША. Злые?

СВЕТА. Да, злые.

ГРИША. Разве?

СВЕТА. Да.

ГРИША. Ты сама...

СВЕТА. Что сама?

ГРИША. Задираешься ко всем.

СВЕТА. И что!?

ГРИША. Ты как подросток. Зачем мужику из соседнего подъезда машину поцарапала. Зачем ему «урод» написала.

СВЕТА. Ну и что!? Он Мишку шестилетнего, ну, алискиного сына, с седьмого этажа, чуть не задавил. Ещё и хихикал, гад.

ГРИША. Ну... А в этом, как его там, где с пенсионерами занимаются...

СВЕТА. Ну и что? И правильно сделала.

ГРИША. Они тебя пожалели.

СВЕТА. Нет.

ГРИША. Что нет? Пожалели. Бабушку твою знают.

СВЕТА. И что?

ГРИША. Да весь дом, если не улица, думают, как твоя бабушка с тобой уживается. Жалеют её.

СВЕТА. Я бы им ещё и все стекла перебила, понял!?

ГРИША. Ну почему?!

СВЕТА. Они путёвки своим дают. У них там схвачено всё! Спелись они там! А они просто связываться со мной не стали. Они меня сумасшедшей считают, больной. А бабушка! А бабушка! Да хорошо ей со мной, слышишь! А они ей путёвку дать не хотели. Говорят, что нет у них. А я знаю, что есть. Я от них вышла, смотрю - щиток электрический. Взяла - и вырубил его. У них там всё запищало, все закудахтали, запрыгали, бегать стали. Весело!

ГРИША. Ты как ребёнок.

СВЕТА. Лучше ребёнком быть, чем таким, как они. Они все думают, что со мной не всё в порядке.

ГРИША. Ага.

СВЕТА. А я смотрю на всё это и думаю.

ГРИША. Что ты думаешь?

СВЕТА. Ты же помнишь их?

ГРИША. Твоих? Ну да, родителей помню твоих. И братика с сестрёнкой.

СВЕТА. Я о них каждый день думаю. Думаю, и как они все живут?! Все вокруг. Как они смеют жить, любить, что-то делать?!

ГРИША. Ну, а что им делать?

СВЕТА. Я думаю, что это ужасно жить. Жить в этом безумном мире, где один убивает другого. И им ничего не бывает. Они - уважаемые и честные люди. И ничего, что ты убил целую семью.

ГРИША. Но он же не убивал.

СВЕТА. Нет. Они написали, что это мой отец был пьян.

ГРИША. Ну ладно... А то сейчас заведёшься, как всегда.

СВЕТА. А я хочу лишь правды. Этот мир безумен! Этот мир сошёл с ума! Здесь правят сумасшедшие! А мы!? Мы – ненормальные! Наш удел – это быть ненормальными! Наш удел – всеобщее презрение трусов! Все трусы! И ты трус!

ГРИША. Да ладно тебе...

СВЕТА. Не смей говорить, не смей думать, не смей дышать! Ты должен подчиняться, ты должен соблюдать их правила! Правила, которые они написали для тебя! Ты ничто - они всё! Они здесь властвуют. А твой удел – быть ничем! А я не хочу! Понял! Не хочу!

ГРИША. Да ладно, успокойся... Не заводись, Свет.

СВЕТА. Лучше жить сумасшедшей! Пусть они меня такой все считают! Пусть они жалеют мою бабушку. Пусть! А я буду жить по своим правилам! Я буду все называть своими именами, как есть! И бить стекла буду! А этот сосед! Он своё корыто на детскую площадку ставит, понял! Там дети играют! А ему пройти сто метров лень. Так ему и надо.

ГРИША. Он в суд подаст.

СВЕТА. А чего с меня взять?!

ГРИША. Деньги.

СВЕТА. Разберёмся.

ГРИША. Ты потише будь, Светка. Пока жалеют – потом по голове дадут. Тебя итак тут экстремисткой уже называли, не помню уж, кто.

СВЕТА. И пусть! Лучше сдохнуть, чем жить в этом мире.

ГРИША. Ты думаешь!?

СВЕТА. Пусть сами живут по своим правилам! Пусть сами подчиняются! Зачем жить для того, чтобы подчиняться?! Зачем жить, чтобы страдать?! Зачем жить, чтобы каждый день унижаться и ждать своей подачки?! Зачем жить, чтобы быть рабом?!

ГРИША. А ты?!

СВЕТА. А я не раб! Я человек, понял!? Во дворе на меня тыкают пальцем. Искоса смотрят. Пусть! Я делаю так, как хочу! У меня своя правда! Моя правда! А у них вообще ничего нет! Они подчиняются! Они рабы!

ГРИША. И кто злой?

СВЕТА. Они!

ГРИША. Думаешь?

СВЕТА. Они – злые. Они все понимают, что живут не той жизнью, которой должны жить. И злятся. Нет выхода, понимаешь! Прожить эту жизнь в нищете и страданиях - один путь... И вместо того, чтобы это понять, оглянуться, прозреть...

ГРИША. Понять?..

СВЕТА. Да! И объединиться.

ГРИША. Объединиться?..

СВЕТА. Они злятся... Они злятся на всех и вся. И чем старше человек, тем больше он злится.

ГРИША. Разве!?

СВЕТА. А уже нет иллюзий... Когда тебе двадцать – ты ещё веришь в то, что ты... а потом... Потом – ничего.

ГРИША. Унижение, подчинение, нищета и старость. Много раз уже это от тебя слышал.

СВЕТА. Именно! А проще злиться на всех, на кого попало, чем на того, кто на самом деле виноват! На себя злиться? Нет. Только не на себя. На соседа? Да - он виноват во всех твоих бедах! На родственников? Да – они виноваты! На пассажиров в автобусе? Да - они виноваты, что твоя жизнь не удалась, что ты живёшь тут бедный и несчастный!

ГРИША. Так устроен мир.

СВЕТА. А я не хочу, чтобы он был так устроен.

ГРИША. Да ну тебя. А разве по-другому?

СВЕТА. Да, да, да! По-другому! Я хочу, чтобы было всё по-другому!

ГРИША. И люди станут меньше злиться?

СВЕТА. Я хочу, чтобы люди друг другу помогали! Чтобы не были зверями!

ГРИША. Это нереально.

СВЕТА. А тогда зачем нужна эта жизнь!?

ГРИША. Так ты же живёшь?

СВЕТА. Пока живу.

ГРИША. Это всё слова, Светка.

СВЕТА. Не слова.

ГРИША. Послушай, а кран вчера чинил у вас. Как, не течёт больше.

СВЕТА. Нет.

ГРИША. А то я так, я же не сантехник.

СВЕТА. Не течёт.

Слышится звук открываемой двери.

ГРИША. Грымза!

Света идёт к балкону и перелезает на лестницу. Гриша выходит из комнаты. Света вдогонку ему кричит.

СВЕТА. Пока живу!

ГРИША. Ты что!?

СВЕТА. А могу и не жить. Не жить легче, чем жить.

ГРИША. Не балуйся!

СВЕТА. Одно движение – и упаду отсюда.

ГРИША. Светка! Не дури тут!

СВЕТА. Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду...

ГРИША. Не кричи, услышит ещё...

Света поднимается вверх. Гриша выходит из комнаты и закрывает дверь.

Затемнение.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Комната. День. В комнате Любовь Юрьевна и Вася. На полу рюкзак и большая сумка, стопка перевязанных книг и журналов, ноутбук.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Так-то все приличными прикидываются, а потом полиция приходит, органы. Жил тут. Не у нас - напротив. Жил тут один такой. Мне рассказывали. А оказался... Хакером оказался. Вот слово одно чего стоит. Я вот честно тебе скажу, не знаю, чем он там занимался, но слово само за себя говорит. Хакер – наверняка неприличное слово. Ты вон тоже тихий. Рюкзачок, книжечки... Этот, как там его, ноутбук. А потом тоже, глядишь, и придёт кто. А, чего молчишь? Вот-вот.

ВАСЯ. Я копирайтер.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Чего?

ВАСЯ. Тексты пишу.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Какие такие тексты?! Против кого!? Нас тут общественников собирали тут, говорили, развелось оппозиции вокруг, молодежи...

ВАСЯ. Я для сайтов пишу.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Смотри! А зовут как? Позабыла я.

ВАСЯ. Вася.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вася... Я тут всё знаю. А то сидят тут по домам. Вот раньше на танцы ходили, в кино. А сейчас сидят тут и киснут. Гулять не ходят. Рахитики. И за чистотой следи. Не кури. Воды не лей.

ВАСЯ. Я не курю.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Все так говорят. А окурки под окнами валяются. А алкоголем, алкоголем?..

ВАСЯ. Не пью.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Наркотики? Ты смотри! Я узнаю.

ВАСЯ. Я не наркоман.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что-то не похоже. Смотрю на тебя – вылитый.

ВАСЯ. Кто?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, наркоман. Кто? Не я же. Вот наверну... тоже такая вот, как ты, вроде тихая живёт. И что? Бабушка у неё приличная - здороваётся. Платят вовремя. А она... девица эта...

ВАСЯ. А что она?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да что там... такая борзая... явно наркоманка. Бабушку её жалко. А девка эта - наверняка наркоманка, а может, и хуже. Всё эта девка носится с собачками да кошками.

ВАСЯ. Хуже?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Может, и проститутка. Никогда не здороваётся. Нос кверху, на лице улыбка. Я из окна на неё смотрю – и чешет такая. То вечером, то утром... Вот куда она чешет? Тряпки какие-то собирает, банки с едой кому-то носит.

ВАСЯ. А вы из окна наблюдаете?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я здесь, в этом доме, главная. Старшая я. И житель почётный я. Понял. Я должна знать, что творится.

ВАСЯ. Наблюдательный пункт.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты не дерзи. Знаю я вас. Приехал тут из провинции и нос по ветру. Откуда ты там, позабыла я.

ВАСЯ. Торжок. Но я в Москве давно.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Столичный житель образовался. Ты пока ещё никто, и звать тебя никак, понял. Вот, будешь дерзить – вылетишь тут у меня. А то ишь, какие мы! Как ты там себя обозвал?

ВАСЯ. Копирайтер.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот-вот, копигартор.

ВАСЯ. Копирайтер.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да оно одно и то же. В общем, правила у нас такие: соблюдай тишину, не шуми, значит, не води всяких там посторонних. И я всё равно узнаю, если кого приведёшь.

ВАСЯ. Из окна или подслушиваете?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Не дерзи. У нас тут и камеры стоят, и консьержки скажут. А со мной лучше не ссорься. Вот эта твоя соседка сверху, наверняка она окурки кидает. Вот она здесь прописана - её квартира. А вот тебя-то я вмиг выселю. Так что не шути со мной. А вот соседа твоего, этого гаврика, не слушай. Знаешь его уже?

ВАСЯ. Нет.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Так вот... Ох, как мне эти жильцы надоели!

ВАСЯ. Всё?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А ты чего такой быстрый?

ВАСЯ. Работать надо.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот на этом что-ли? Постучать... Знаю я вас. Работать! Ладно, кисни тут. Я ещё приду, проверю. И вот ещё что. У нас у Зинаиды Кузьминичны день рождения - сдавай 200 рублей.

ВАСЯ. Я её не знаю.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Так, и что!? В каком смысле?

ВАСЯ. Я не знаю эту женщину.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Она из сто тридцать седьмой квартиры. Узнаешь. Все сдали, и ты сдавай. Давай, давай.

Вася достаёт двести рублей.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну вот, видишь - я напротив тебя теперь галочку ставлю. Вот. Видел? Ну ладно. Я ещё найду, понял, и девушек там всяких не води. Внизу Ирина Петровна живёт, понял? Туда-сюда - я узнаю, понял. А вообще, лучше другую комнату себе подыскивай, чего-то ты мне не нравишься - какой-то сублильненький, тихенький. В тихом омуте, знаешь... Жил тут у меня, как его там, Игорёк - тихенький такой, но мылся часто, воду тратил. Я ему говорю: не мойся, а он моется. Каждое утро слышу: и льётся и льётся... Сердце не на месте. Я думаю, зачем мне такие нервы? Вот и смотри, в ванную ходи раз в день, и чтоб по пять минут. Вот-вот... Ну ладно, смотри тут.

ВАСЯ. До свиданья.

Любовь Юрьевна удаляется. Вася достаёт ноутбук и ставит его на стол, включает и начинает работать. Входит Гриша.

ГРИША. Ну чего, устроился? Первый бой прошёл вничью? Меня Гриша зовут. Сосед твой.

ВАСЯ. Вася.

ГРИША. Ты на эту старую тварюгу внимания не обращай. Повоняет и перестанет. Но если ты ей позволишь больше нужного, то сразу лучше съехать отсюда. Не слезет. Деньги ей давать прежде всего нельзя. У неё там такой маленький блокнотик, и она туда якобы что-то записывает, поводы придумывает. Всё себе кладёт. Ко мне так пристала в самом начале. Я её лесом послал. Так и живу тут, лет семь, наверное.

ВАСЯ. Я дал.

ГРИША. Сколько?

ВАСЯ. Двести.

ГРИША. В следующий раз не давай. Пошли её.

ВАСЯ. Я не умею.

ГРИША. Я тебя научу. Её не слушай.

ВАСЯ. Она полицией угрожала.

ГРИША. А ты уши развесил. Ничего она не сделает. Вот она говорит мне, что выселит меня, а пусть попробует. Меня она боится.

ВАСЯ. Я так не смогу...

ГРИША. Ну... Она же какая, эта Любовь Юрьевна... Она что, ну, повоняет, ну выговорится и успокоится. Ты с ней не связывайся. Я тоже, как сюда заехал, думал, что не уживусь. Ничего так... Когда пошучу, когда прикрикну чуть-чуть. Она и не связывается со мной особо. А если помыться там или приготовить, то лучше в её отсутствие. А то у неё каждый перерасход нервный срыв вызывает. В конце месяца как начинает причитать, так и слышишь: разорение, киловатты, кубометры... А на шею посадишь – сам виноват. А двести рублей – так она и рада будет. Ко мне несколько раз приставала - то пятьдесят, то сто, а тут целых двести... бабушке на кофеёк... Понял?

ВАСЯ. Типа того.

ГРИША. Ну, тут смотри, самое главное – вовремя ей деньги плати, ну, Любовь Юрьевне. Деньги она любит. Но и раньше не плати ей, а то на шею сядет. И вещички свои прячь получше, а то она любит похозяйничать. Тут у нас Игорёк жил, так она любила у него порыться.

ВАСЯ. Как же вы с ней... столько лет с ней?!

ГРИША. А я мышеловки на неё ставил. Ей пальцы прищемило. Она покричала, покричала да перестала соваться. Не суётся. А к таким как ты – так запросто. Та ещё гримза! Ты самое главное - вовремя плати. И если платишь, то записывай и с неё бумагу бери, а то она, типа, и позабыть может, что ты платил. Ты же будешь платить?

ВАСЯ. Вроде.

ГРИША. Ну, а на остальное забей. Не маячь, там, перед ней часто - и всё.

ВАСЯ. А уборка, готовка? Музыку что, только в наушниках слушать?

ГРИША. Я особо в квартире не убираюсь. Хочешь - сам убирайся, но, там, вещи свои не бросай. Любит она порядок. И на кухне посуду мой, а то вонять будет, а так, делай, что хочешь, не шуми особо - старуха, придирается будет.

ВАСЯ. Ясно.

ГРИША. Да не парься. Ты кем, вообще, тут, ну, работаешь?

ВАСЯ. Тексты пишу.

ГРИША. Копирайтер?

ВАСЯ. Да.

ГРИША. Знаю. Сам работал как-то. Чушь это, а не работа. Чего, не согласен?

ВАСЯ. Примерно согласен.

ГРИША. Что там, для интернет-магазинов пишешь или комментарии платные?

ВАСЯ. Платные.

ГРИША. Да уж, работка!

ВАСЯ. Деньги платят...

ГРИША. А ты не из этих, как там, ну, которые за губернаторов в Интернете глотку дерут?

ВАСЯ. Ну...

ГРИША. Да поди ты! И что?

ВАСЯ. Ничего.

ГРИША. Тухлая работа. Задание прислали - и пишешь.

ВАСЯ. А куда деваться. Я стихи пишу, пьесы, роман сочинил. Что, это нужно кому!? Вот платят мне за эти комментарии - я и пишу.

ГРИША. Ну-ну.

ВАСЯ. Сегодня Сичкин плохой - и надо писать, что он гад, а завтра мне присылают, что надо наоборот писать... То американский президент плохой, то хороший. Свихнуться можно! Но деньги же платят – я пишу. А так...

ГРИША. Что так?

ВАСЯ. Надоело. Ты думаешь, что мне это интересно? Я стихи люблю, рассказы пишу, а их никто же не читает. Вот и приходится писать это всё.

Слышится музыка откуда-то сверху.

ГРИША. Не настоящее всё. Слушай, а Светка тебе жизни даст. Шумная она.

ВАСЯ. Светка? Сверху?

ГРИША. Ну да. У тебя комната под ней. Она в три часа ночи может музон включить. Та ещё! Наша гримза с ней даже не связывается, боится её. Ты тут ещё и от Светки страдаешься - спать тебе не даст. Я в другой комнате живу – там тише. Ну ладно, тут рядом буду, если что... понял? Там, зови, приду... Ага...

Гриша выходит. Вася начинает набирать на ноутбуке текст.

Затемнение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Вечер. Темно. Вася сидит за столом и набирает текст. Балкон открыт. Кольшется занавеска. Сверху слышится музыка. В дверь заходит Гриша.

ГРИША. Чего, работаешь? Я спать. Ты это, если что, на кухню иди. Там тише. Наша гримза спать легла, до утра она не встаёт. А, Вась?

ВАСЯ. Да, ладно. Привык уже.

ГРИША. Чего, писать-то получается?

ВАСЯ. Да, как-то.

ГРИША. Во, видишь. Затихла Светка. Может, тоже спать легла. Повезло тебе тут с нами. Давай.

ВАСЯ. Давай.

Вася продолжает работать. Сверху по лестнице спускается Света. Она залезает на балкон, смотрит через окно в комнату, потом заходит внутрь.

СВЕТА. Привет!

Вася от неожиданности не может ничего сказать.

СВЕТА. Как дела?

ВАСЯ. Ты кто?!

СВЕТА. Как кто? Я.

ВАСЯ. Ты?

СВЕТА. Ты чего? Испугался?

ВАСЯ. Как ты вошла?

СВЕТА. Приземлилась.

ВАСЯ. Зачем?

СВЕТА. Глупый вопрос. Захотела. Чего делаешь? Не спишь?

ВАСЯ. Да кто ты?

СВЕТА. Во заладил. Это я!

ВАСЯ. И что?

СВЕТА. Я пришла. Я пришла с большим приветом, понял!? Скучно мне. Вот я и пришла. Все спят, а ты не спишь. Смотрю, что-то пишешь. Как тебя зовут? Раньше тут девушка жила. Зануда такая! Съехала, да... Потом Игорёк жил. Тоже зануда. Чистенький такой. А эта девица стучать любила в потолок - стук-стук. И эту гримзу нагоняла на меня - хозяйку вашу – домогрымзу. Так как тебя зовут?

ВАСЯ. Вася.

СВЕТА. Прикольно.

ВАСЯ. Чего?

СВЕТА. Кот Вася... Васька... Васька-шатаська. А ты ничего... мелкий только. Ты чего такой мелкий? Чего молчишь, а, слушай!? А меня - Света. Ну, я Света. Дурацкое имя, да? Лучше быть Лампой или Торшером.

ВАСЯ. Ты сверху? Ну, там живешь?

СВЕТА. Ага.

ВАСЯ. Как ты сюда попала?

СВЕТА. Смешной ты - сверху. Вон видишь – лестница. Залезла, спустилась. Я по ней лажу.

ВАСЯ. Здесь же одиннадцатый этаж!

СВЕТА. А я на двенадцатом. Ты чего, боишься? Высоты что-ли боишься?

ВАСЯ. Боюсь.

СВЕТА. А я не боюсь. Я, знаешь, по горам лажу.

ВАСЯ. Альпинистка?

СВЕТА. Ага. Люблю залезть наверх - и все видно... и не скучно. Тебе скучно?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. А мне скучно. Люди все скучные, не замечал?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Это у тебя что?

ВАСЯ. Ноутбук.

СВЕТА. Той самой крутой американской фирмы с отгрызенным яблоком?

ВАСЯ. Типа того.

СВЕТА. Последней марки и самый дорогой, глядишь...

ВАСЯ. Да, ими все пользуются.

СВЕТА. Ага, все! А я не люблю вот эту ерунду, перед которой все ползают и облизываются.

ВАСЯ. И что из этого?

СВЕТА. Ладно... А что пишешь?

ВАСЯ. Тексты.

СВЕТА. Какие? Стихи?

ВАСЯ. Нет, статьи, комментарии, отзывы.

СВЕТА. Скучно. Писал бы стихи.

ВАСЯ. Писал раньше.

СВЕТА. Да ну. Так все. А чего-ты молчишь? Ну, расскажи, как живёшь?

ВАСЯ. Хорошо живу.

СВЕТА. Да ну тебя. Неинтересный ты. Видел.

Показывает язык.

СВЕТА. И скучный. Пока.

Света залезает на лестницу и лезет наверх. Вася садится за стол и пытается что-то писать, но закрывает ноутбук.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Утро. Вася лежит на диване. Заходит Гриша.

ГРИША. Кофе хочешь?

ВАСЯ. Я его не люблю.

ГРИША. А я люблю. Бодрит. А чего кислый такой?

ВАСЯ. Не выспался.

ГРИША. Светка сверху не мешала?

ВАСЯ. Понимаешь, не мешала. Она по лестнице пришла.

ГРИША. Ого! Это она может. Познакомились?

ВАСЯ. Она так постоянно будет приходить?

ГРИША. Не парься. Не будет. Ну, если только ты ей понравишься.

ВАСЯ. Кто она такая?

ГРИША. Да, простая девчонка. Взбалмошная только. Ты с ней осторожней. Знаешь, выкинуть может фортель. Что угодно от неё можно ожидать. Я с ней так... Особо не спорю.

ВАСЯ. Чокнутая она?

ГРИША. Да нет, просто так сложилось. Все о ней бог знает что думают. Соседи считают, что она проститутка. С детьми она гуляла - так все стали говорить в округе, что это её — нагулянные. А она Алиске помогает и другим. Алиска сына одна растит. А с собачками да кошками своими вообще замучила - одна родила, другая поранилась, щенков ей пристроить надо, то перловку где-то достать. А вот с бомжами - я вообще не понимаю.

ВАСЯ. Что не понимаешь?

ГРИША. Да зачем им помогать? Ну, с алискиным она возится сыном, в поликлинику его водит... ну, с собачками, ну, с кошками... А этим-то зачем?

ВАСЯ. А что, она им помогает?

ГРИША. Да, то одежду куда-то везти, то обувь. А вот тут она петь ездила.

ВАСЯ. Петь!?

ГРИША. Ну да. Это я одобряю. В дом престарелых, к ветеранам поехала. У нас, знаешь, всё по разнарядке... А она сама. Но... Сложно с ней... Устал я.

ВАСЯ. А она одна живёт?

ГРИША. С бабушкой, вдвоём. Бабушка её жалеет, не трогает... Ну, позволяет ей...

ВАСЯ. А родители что?

ГРИША. Нет у неё родителей. Понимаешь... Тут история такая... А, ладно... Нет у неё их.

ВАСЯ. Странно.

ГРИША. Ты с ней не связывайся лучше. Поддакни, если что. Не связывайся с ней лучше. Энергия у неё какая-то...

ВАСЯ. Какая энергия?

ГРИША. Да откуда я знаю. Но она к тебе не прилетит. Ты для неё слишком скучный. Она не любит скучных, заумных. Вот увидишь. Так кофе будешь? Пошли - взбодрись.

Вася и Гриша уходят.

Затемнение.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Вечер. Комната Васи. На диване лежит Света и читает распечатки. Входит Вася. Вася удивлен.

СВЕТА. А! Ты? Привет! Пришёл? Я тут читаю.

ВАСЯ. Привет. Ты как сюда?

СВЕТА. Как и вчера. Дурацкий вопрос. Это ты всё пишешь? Это что, роман? Ничего так...

ВАСЯ. Кто тебе разрешил?

СВЕТА. А я не спрашиваю разрешения. Лежало - я и взяла. Вообще, я думала, что ты дома, а тебя нет. Что, гулял?

ВАСЯ. Нет, по делу.

СВЕТА. Зачем по делу?

ВАСЯ. Надо было.

СВЕТА. Скучный ты. А я сегодня в музей ходила. Картины смотреть. Ты смотришь картины, а?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Чего так, не любишь? Я тоже не люблю.

ВАСЯ. А чего пошла?

СВЕТА. Так, захотелось. Я же художница.

ВАСЯ. Художница?!

СВЕТА. Ну да, художник, рисую. Картины видел? Вот их и рисую. Нравится?

ВАСЯ. Что?

СВЕТА. Живопись тебе нравится?

ВАСЯ. Да так...

СВЕТА. Я с детства рисую. Хочешь тебя нарисую?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Хочешь?

ВАСЯ. Не хочу я.

СВЕТА. Чем тебя будем рисовать? Ручкой на листочке. Садись!

ВАСЯ. Я не хочу.

СВЕТА. Ты меня бесишь! Садись. В профиль садись!

Вася садится.

СВЕТА. Вот так. Сиди.

Света садится напротив, берёт листочек и начинает ручкой что-то чертить.

ВАСЯ. Долго?

СВЕТА. Не дёргайся. Ты меня сбиваешь.

Выкидывает листок.

СВЕТА. Вот видишь! Сиди! В профиль ты лучше. Не шевелись.

ВАСЯ. Долго ещё!? Мне работать надо.

СВЕТА. А я тебе не работаю!? Я рисую! Не шевелись. Сиди. И молчи. А глаза у тебя ничего! И рот! И губы! Вроде не урод ты.

ВАСЯ. Спасибо.

СВЕТА. Хотя мелкий ты. Не люблю мелких. Ты чего такой мелкий!?

ВАСЯ. Не мелкий.

СВЕТА. Молчи! Собьешь.

ВАСЯ. Ты не так ручку держишь.

СВЕТА. А ты тут знаешь всё? Умный что ли!?

ВАСЯ. Так не рисуют.

СВЕТА. Ты меня сбиваешь! Так не рисуют! А как рисуют!? Вот все знают у нас, как рисовать, как писать, как что делать. Все тут умные. Сделаешь что-то – тут же прибегут толпы критиков тебя обсуждать. Сами ничего и никогда путного в своей жизни не сделают – так, пустота из пустот – но других, это мы можем покритиковать, причём так, со знанием дела, как будто всю жизнь этим самым делом и занимались.

ВАСЯ. Да я так, просто.

СВЕТА. Вот и сиди со своим «просто». В общем, молчи.

ВАСЯ. Я и молчу.

СВЕТА. Ага... молчун...

Света сосредоточенно рисует.

СВЕТА. В музее все ходят такие жутко важные. К картине подходят, смотрят. Поят ещё пару минут. Чего стоят? Глупость какая! Ничего не понимают и стоят, вид делают, что понимают. И такие важные все ходят! Ценители!

ВАСЯ. А ты?

СВЕТА. А я на них смотрела. Сидела в зале и смотрела. А потом меня из зала вывели.

ВАСЯ. Как?

СВЕТА. Я смеялась. Меня так смех разбирал, что я удержаться не могла. Меня вывели.

ВАСЯ. Вывели!?

СВЕТА. Ты бы видел. Подбежала какая-то курица и начала кудахтать: девушка, вы что, да как так можно!. А я ей говорю: ну смешно же – ходят, смотрят какие-то кубики-рубрики и делают понимающий и важный вид...

ВАСЯ. А что за музей?

СВЕТА. Там современное искусство было. Вот на – держи. Света даёт ему листок с каракулями.

ВАСЯ. Это что?

СВЕТА. Твой портрет. Точнее, моё видение тебя. Вот рот, вот уши. Ты видишь? А это шея. А это твои глупые мысли.

ВАСЯ. Это что, портрет?!

СВЕТА. Ты ничего не понимаешь. Повесь на стенку и любуйся.

ВАСЯ. Ты что, современную живопись рисуешь?

СВЕТА. Скучный ты. Что, не нравится?

ВАСЯ. Не знаю. Понимаешь...

СВЕТА. А больше всего мне нравится, что я не хочу вам нравиться, что я не должна вам нравиться.

ВАСЯ. Ты что!?

СВЕТА. И это — мой главный долг, его отдавать мне нравится вовремя, без поблажек, и этот мне долг не тяжёлый, он — мой натуральный шёлк.

Света читает стихи, как будто просто говорит. А Вася непонимающе на неё смотрит.

СВЕТА. И больше всего мне нравится, что больше всего вам нравится, как тонко я суть ловлю, когда не хочу вам нравиться!.. Повтора я сок давлю, что я не должна вам нравиться, и я вам должна не нравиться, и с этим блестяще справиться могу, как никто другой!.. Тут все

обожают нравиться, кто нравится - тот и славится. Но больше всего вам нравится, что я не хочу вам нравиться - и нету такой другой.

Света залазит на лестницу и лезет вверх, не прощаясь.

ВАСЯ. Ты куда?

СВЕТА. Наверх. Пока, зануда!

Света лезет по лестнице наверх. Вася стоит с листком бумаги.

Затемнение.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Утро. Вася прикалывает свой портрет к стенке. К нему заходит Гриша.

ГРИША. Это что?

ВАСЯ. Света нарисовала.

ГРИША. Гляди, вы чего, подружились? О, брат, значит, ты ей приглянулся. Всё - не отвертишься.

Слышится звук открываемой входной двери.

ГРИША. Мегера идёт. Я пошёл.

Гриша уходит, а Вася продолжает прикалывать картину. Через некоторое время появляются Любовь Юрьевна с кипой бумаг и Гриша.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Гришенька, я тебя застала, как хорошо!

ГРИША. Очень хорошо. Денег нет. Не дам.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Мы тут подписи собираем. Мне из мэрии звонили, я же теперь почётная. Так и сказали: помогайте, Любовь Юрьевна, без вас никак. Вот хожу, собираю. Это что?

ГРИША. Да так, современное искусство.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я так и знала. Пакость какая! Слушай, Гришенька, тут картошки молодой купила, ну, на углу, знаешь?

ГРИША. Ну и...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Сходи, забери её, сюда принеси.

ГРИША. Не могу, спина болит.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да какая спина, там всего-то мешок.

ГРИША. Ага, мешок...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Сходи.

ГРИША. Не а.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Какой ты вредный!

ГРИША. Вредный.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А мне что делать?

ГРИША. Как в прошлый раз. Двести рублей им в лапу - и до квартиры вам донесут.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты грабитель.

ГРИША. Причём тут я?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. В какое ужасное время мы живём! Никто никого не уважает!

ГРИША. Ну конечно...

Любовь Юрьевна немного призадумалась и стала подсовывать ребятам листки.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ладно, ладно, ребят, поставьте свои подписи.

ГРИША. Какие подписи? Не буду.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну что ты, чего тебе стоит.

ГРИША. И кто на этот раз попался?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Не попался. Вот здесь для мэрии, им там что-то надо, я не читала. Им виднее. А вот здесь подпиши обращение, чтобы в доме собак только в клетках носили и на лестничную клетку не выпускали. Только в клетках им и место.

ГРИША. И где же им гулять?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А тебе что нравится? У нас же дети!

ГРИША. У вас нет детей.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну и славу богу. Детей тоже в клетку бы надо. Ну что, ставь.

ГРИША. Не буду.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот это для мэрии. Вот ставь – здесь и на этом листочке. Ну, Гриша, так надо.

ГРИША. Любовь Юрьевна, А что у нас, время какое? Рыночное, поняли? Вы звания получаете, ну, а мы...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Чего ты хочешь?

ГРИША. Подписи денег стоят, а Вась?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. О, какой! Научился!

ГРИША. А то... Микроволновку на кухню кто год назад обещал поставить, а!? А стиральную машину поменять!? Ну, надоело уже руками-то стирать, да ещё с вами за спиной и криками: чего так льёшь, выключай!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Много ты говоришь!

ГРИША. И мусоропровод заварен, неудобно. Сходили бы, поговорили бы, чтобы...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Много ты говоришь! Я ради вас стараюсь, а потом... какая микроволновка?! Это ты что... это ты меня в гроб хочешь вогнать! Чтобы я в своём доме эту гадость держала! Ты убийца, Гриша! Убийца!

ГРИША. Тогда не подпишу. А ещё батарейки у пульта к телевизору сдохли.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я к тебе от всей души. Я вчера иду спокойно...

ГРИША. Правда, спокойно?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А этот волкодав бросился на меня, стал лаять. Это ужас! Как они их держат этих псов!

ГРИША. Это тот той-терьерчик со второго?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я не знаю этих пород. Это страшные собаки, вонючие, прыгающие, лающие...

ГРИША. Она же маленькая, не укусит.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Маленькая!? Они гадкие, они противные, злые собаки. Подпиши, чего-ты!

ГРИША. Я перечислил...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Хорошо, ладно, я подумаю.

ГРИША. Микроволновка – раз, стиралка – два и мусоропровод – три.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот заладил, подпиши.

ГРИША. Микроволновка – раз, стиралка...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я прямо завтра пойду насчёт мусоропровода. А то, правда, что люди

мучаются.

ГРИША. Ну да, а микроволновка, а стиралка...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Так, и батарейки. А что ты сам их не купишь?

ГРИША. Не-а, денег жалко.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А мне не жалко?

ГРИША. Не знаю.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ладно, дам я денег, подпишите.

ГРИША. На стиралку новую и микроволновку?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. На батарейки. Тем более, ты помогать мне не хочешь.

ГРИША. Мешок нести? Нет, дураков нет.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, вот-вот... Вась, подписывай.

Вася собирается подписывать.

ГРИША. Э... Стой, Вась. Сначала сделайте, а потом подпишем.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты обманешь!

ГРИША. А Вы?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ладно, ждите.

Любовь Юрьевна уходит.

ГРИША. Видал? Вот так с ней надо.

ВАСЯ. Здорово ты!

ГРИША. Научился. Может, не стиралку, так микроволновку поставит. Ну, подержанную конечно, чего от неё ждать!

ВАСЯ. Она такая жадная?

ГРИША. Да не то слово! За копейку удавится. Всех достала! То кошки громко мяукают, теперь к собакам пристала. Вот на неё найдёт - и всё.

ВАСЯ. Сумасшедшая какая...

Гриша рассматривает картину Светы на стенке.

ГРИША. А чего Светка вдруг картину рисовать стала? Это что, портрет, что ли? Ужас какой!

ВАСЯ. Она художница.

ГРИША. Кто?

ВАСЯ. Света.

ГРИША. Разве?! Не слышал. Да нет, какая, художница?! Ты её слушай больше. Она придумает, знаешь...

ВАСЯ. Не художница?

ГРИША. Нет, не художница – артистка, большая артистка. Верь ей больше. Давай – бывай.

ВАСЯ. А Нахимовский проспект, это далеко отсюда?

ГРИША. Часа полтора ехать. Ты вроде дома работаешь?

ВАСЯ. Да собрание у нас там.

ГРИША. Собрание копирайтеров?

ВАСЯ. Типа того. А ты чего дома?

ГРИША. Я по сменам работаю. То день работаю, а то дома.

ВАСЯ. Часа за полтора доберись отсюда?

ГРИША. Доберёшься.

Вася выходит. А Гриша остаётся в комнате, ложится на диван и начинает дремать.

Затемнение.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

Ближе к вечеру. Гриша дремлет на диване. Света спускается по лестнице. Видит свой рисунок на стене, тормошит Гришу.

СВЕТА. Ты чего тут?

ГРИША. А ты? Испугала.

СВЕТА. Вася где?

ГРИША. Уехал куда-то на собрание. Замутила ты ему голову.

СВЕТА. Ничего. Скучный он. Правильный такой.

ГРИША. Да ладно тебе к нему цепляться. Будь проще.

СВЕТА. Участковый приходил.

ГРИША. Зачем?

СВЕТА. Ваша гримза заявление написала.

ГРИША. Что ещё?

СВЕТА. Пишет, что как она спать ложится, так я за ней подсматриваю и специально начинаю стучать над её головой и хочу её угробить и со свету сжить.

ГРИША. Твоя комната вообще в другом месте. Над ней же Марь Петровна живёт, бабушка твоя.

СВЕТА. Ну да, приходил полицейский, бабушка его убеждала.

ГРИША. Отделались?

СВЕТА. Да.

ГРИША. Ну и хорошо.

СВЕТА. Знаешь?

ГРИША. Что?

СВЕТА. Сегодня семь лет. Ровно семь лет.

ГРИША. Да... Точно. Я и...

СВЕТА. Полечке бы десять лет через месяц было. А Олежику было бы уже тринадцать. Уже бы такой большой был. Я так по ним скучаю. По папе, по маме, по моим маленьким братику, сестричке.

Света начинает плакать.

ГРИША. Тихо, ну, что ты, ну, Света... Успокойся. Ладно тебе. Света, тихо, не плачь... Ну...

Света начинает быстро говорить.

СВЕТА. Как же это несправедливо! Как же это... Как они могли! Ведь папа не был пьян. Просто этот сенатор ехал так. Вот он – честный, уважаемый, у этого сенатора дворцы, яхты, любовницы, газеты и пароходы. Этот сенатор живёт, слышишь! Живёт! Он коптит это небо, ходит под этим солнцем. А моих нет! Не вернуть!

ГРИША. Не заводись...

СВЕТА. А я, как вспомню - мне страшно. Страшно это вспоминать.

ГРИША. Успокойся, ну же...

СВЕТА. Мы только их всех похоронили - маму, папу, Олежика, Польку, а тут пришли они... Нет, не сенатор - много чести нам. Какие-то помощники. Они не давали нам денег, нет! Они

угрожали! И как угрожали! Бабушка вытолкала меня подальше, чтобы я не слышала.

ГРИША. Ну да...

СВЕТА. А помнишь этот суд?

ГРИША. Ну да, помню.

СВЕТА. Лощёный адвокат. От него несло на весь зал этим парфюмом. И мы одни - я и бабушка. Мы одни стояли против этих экспертов, адвокатов, каких-то свидетелей.

ГРИША. Я ничего там не понимал, в этом суде. Я думал только о Марь Петровне. Думал, а плохо будет ей – что делать. Но она держалась.

СВЕТА. Пока эта судья...

ГРИША. Да уж.

СВЕТА. Я на всю жизнь её запомнила, в этом чёрном халате.

ГРИША. В мантии.

СВЕТА. В этом странном чёрном халате. Эта лахудра – судья. И фамилия такая странная – Жигалина... и имя это нерусское...

ГРИША. Марь Петровна услышала - и я еле её удержал.

СВЕТА. Что мой папка был пьян, понимаешь! Судья даже не слушала нас! Бабушка только скажет слово – та её затыкает, говорит: «не по существу, молчите, к делу не имеет отношения». А под конец выдала: «а девочку надо отдать в детдом».

ГРИША. Да уж.

СВЕТА. Вышла эта лахудра, эта судья, и бубнит себе под нос решение. Понимаешь... Вышла и говорит: «именем Российской Федерации». Кто она такая!? Кто!? А читает, это отец виноват, это он был пьян, это он создал опасную ситуацию жизни и здоровью людей... А не этот сенатор, который закрыл своим кортежем всю полосу и его драндулеты выехали на встречу... Нет, это отец был виноват! И... и мы должны оплатить ремонт этого мерседеса ...

ГРИША. Да...

СВЕТА. Понимаешь! И это справедливо!? Мы четыре года выплачивали... За что!?

ГРИША. Да...

СВЕТА. Бабушка стала причитать... А эта судья ей ещё кричит: «вывести из зала! Прекратить!»

ГРИША. Я эту судью хотел прибить. Она же не слушала вас, она даже не скрывала своего отвращения к Марь Петровне.

СВЕТА. А этот лощёный адвокатишка подходит и так мило начинает нам вещать, что не стоит нам апелляцию подавать, да и вообще рыпаться, что силенки наши малы и что будет бабушка рыпаться, останется без девочки...

ГРИША. А ты ему плюнула.

СВЕТА. И назвала гадом.

ГРИША. Продажным гадом.

СВЕТА. Да.

ГРИША. Да, Светка...

СВЕТА. А в него никто не плевал. Никогда. Он не понял. А я стою, слюну коплю во рту и думаю: хоть бы достать, хотя бы попасть.

ГРИША. А судья как завизжала.

СВЕТА. А я посмотрела на неё, на эту жалкую тётку, на её пакли вместо волос и...

ГРИША. Ужас, Светка, мы потом с Марь Петровной устали упрашивать судью...

СВЕТА. Пусть, я ей повыдергивала её пакли.

ГРИША. Вцепилась намертво.

СВЕТА. Мы для них винтики, просто люди... пыль... ничто... о нас можно вытирать ноги, не замечать, унижать. Но нет... Я спокойна – Он мне всё поведал.

Света читает стихотворение. Читает, как будто говорит своими словами.

СВЕТА. «Не таись», - велел. И я скажу: кто меня обидел или предал – покарает тот, кому служу. Не знаю, как – ножом ли под ребро, или сгорит их дом и всё добро, или сместят, сомнут, лишат свободы... Когда, опять не знаю - через годы или теперь, а может быть – уже... Судьбу не обойти на вираже и на кривой на вашей не объехать, напропалую тоже не протечь. А я? Я – что! Спокойна я, по мне – хоть побей вас камни, град или картечь.

ГРИША. Ну ты даёшь...

Света идёт к лестнице и залазит на неё.

СВЕТА. Я их всегда вспоминаю, когда мне больно, когда обидно...

ГРИША. Это кто?

СВЕТА. Высоцкий, Гриша... Высоцкий...

ГРИША. Ты куда?

СВЕТА. Там бабушка стирает, помочь надо.

ГРИША. Ну... ну, давай.

СВЕТА. Пока.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ

Вечер. Вася сидит за столом и периодически поглядывает на балкон. По лестнице спускается Света. Она тихо подкрадывается к Васе и с противоположной стороны смотрит на него и на то, как он поглядывает на балкон.

СВЕТА. Ты чего, кого ждёшь?

Вася вздрагивает.

ВАСЯ. Ты как прошла?

СВЕТА. Молча. Ты что, портрет повесил? А здорово, видишь?

ВАСЯ. Так ты художница?

СВЕТА. Я!? Нет! Да ну...

ВАСЯ. А вчера говорила...

СВЕТА. Это было вчера. А что?

ВАСЯ. Да так, просто.

СВЕТА. А тебе сколько лет?

ВАСЯ. Двадцать шесть..

СВЕТА. Это ты такой старый!? Офигеть. А я думала, тебе лет восемнадцать.

ВАСЯ. А тебе? Тебе сколько?

СВЕТА. Не скажу - дурацкий вопрос!

ВАСЯ. Просто спросил.

СВЕТА. Нет, ничего никогда просто так не бывает. Ты меня хотел оценить.

ВАСЯ. Тогда зачем ты меня спросила о возрасте?

СВЕТА. Очевидно! Я тебя оценивала.

ВАСЯ. Зачем?

СВЕТА. На всякий случай. Может, я влюбилась.
ВАСЯ. В меня.
СВЕТА. Нет, в себя.
ВАСЯ. А сама не хочешь говорить.
СВЕТА. Не хочу. Я скажу тебе, что мне двадцать... и ты мне поверишь или не поверишь...
ВАСЯ. Тебе же не двадцать?
СВЕТА. Восемнадцать.
ВАСЯ. И не восемнадцать!
СВЕТА. Ты говоришь свой возраст - и тебя сразу оценивают: плохо или хорошо ты выглядишь, сколько тебе лет... Тебя сразу ставят на планку, на шкалу, на линейку...
ВАСЯ. На какую линейку?
СВЕТА. На линейку жизни: если тебе двадцать, то всё впереди, если тебе тридцать, то тебе уже пора, если тебе сорок, то тебе уже поздно.
ВАСЯ. И что?
СВЕТА. А я живу сейчас, и мне ничего не поздно, и всё впереди, и никогда не пора - вот так. Это всё стандарты. Мы живём по калькам, штампам... Так принято, так заведено, так надо, так красиво, а так – некрасиво. И что? Кто это решил? А я решать сама хочу.
ВАСЯ. Хочешь, не говори.
СВЕТА. Не хочу. Вот ты кто?
ВАСЯ. В каком смысле?
СВЕТА. Вообще, кто ты? Ну!?
ВАСЯ. Вася.
СВЕТА. А дальше!
ВАСЯ. Не знаю.
СВЕТА. Ну, чем ты занимаешься?
ВАСЯ. Копирайтер.
СВЕТА. Вот!
ВАСЯ. Что?
СВЕТА. И всё сказано. Вася – копирайтер, Костя – музыкант... Люди любят ясность: ты – тот-то, этот – тот-то, а если ты в эти лекала и штампы не вкладываешься, то ты странный и сумасшедший - и всё.
ВАСЯ. Ну ладно, а ты кто? Вчера была художницей, а сегодня кто? Чем ты занимаешься?
СВЕТА. А если я тебе скажу, что я простая продавщица в продуктовом магазине...
ВАСЯ. Ну...
СВЕТА. Ну вот – я продавщица. Что? Оценил?! Повесил ярлычок!?
ВАСЯ. Ничего я не повесил. Продавщица - и ладно.
СВЕТА. Ага! А скажи, я красивая? Вот посмотри, на меня смотри! Ну?
ВАСЯ. Красивая.
СВЕТА. И всё!? И всё!? А где прилагательные? А где эпитеты? А где... ну...
ВАСЯ. Ты очень симпатичная.
СВЕТА. Ну, а смотри - талия, грудь, а? Тебе нравится? Нравится?
ВАСЯ. Нравится.
СВЕТА. А может, джинсы снять? Рубашку? Смотри.
ВАСЯ. Не надо!
СВЕТА. Чего, испугался?
ВАСЯ. Не надо.
СВЕТА. Некрасивая я!
ВАСЯ. Красивая. Не надо. Не снимай.
СВЕТА. Трус.
ВАСЯ. Почему?
СВЕТА. Потому что вы всё оцениваете! Продавщица - значит, у неё в голове ничего нет.

ВАСЯ. Почему?

СВЕТА. Потому. Некрасивая, толстая... значит, и связываться с ней не надо. Не замечал – мы все ходим в ярлыках. На каждом висит куча бирок.

ВАСЯ. Ты про что?

СВЕТА. А про то, что людям проще жить, когда про всех всё знаешь. Этот – учитель, значит, и у тебя уже стереотип в голове, матрица какая-то. А если что-то в голове не сходится, значит, ты этого человека считаешь странным.

ВАСЯ. Бывает.

СВЕТА. Я тебе сказала, что я продавщица, и что? Что ты подумал?

ВАСЯ. Ничего.

СВЕТА. Врёшь.

ВАСЯ. Я тебя пожалел.

СВЕТА. Почему? Скажи, что жалеть?

ВАСЯ. Да как-то, смотришь, стоят целый день. А что потом? Ну, пройдет год, два... десять лет - и всё так же и тот же магазин... ну, может, другой... В плане развития – ничего, ну, старшей можно стать. Как там у вас это называется?

СВЕТА. Допустим. И что жалеть?

ВАСЯ. Жизнь проходит.

СВЕТА. А у тебя она не проходит?

ВАСЯ. Проходит.

СВЕТА. А чем ты отличаешься от меня?

ВАСЯ. Отличаюсь.

СВЕТА. Ерунда.

ВАСЯ. Почему?

СВЕТА. Ты строчишь тут свои статейки и комментарии, которые никому не нужны. Не нужны же?

ВАСЯ. Не спорю.

СВЕТА. И сколько ты уже их строчишь?

ВАСЯ. Лет пять. Может, и больше.

СВЕТА. Ну! И в чём разница? Продавщица - в магазине, ты - за ноутбуком. И что? Один финал.

ВАСЯ. Деньги платят.

СВЕТА. Всем платят. А мы продаёмся.

ВАСЯ. А что есть выход?

СВЕТА. Нет.

ВАСЯ. А тогда зачем об этом говорить?

СВЕТА. А чего – молчать?

ВАСЯ. Поговорить о чём-то другом.

СВЕТА. Да ну, скучно. Ты понял? Мы же продаёмся - нас покупают, как рабов. Думал об этом?

ВАСЯ. Думал.

СВЕТА. Тебе платят деньги, а ты работай на дядю.

ВАСЯ. Или тётю.

СВЕТА. Или тётю. И так всю жизнь, ты представляешь себе!? И ты ничего выбрать не можешь! Ты должен жить так, как тебе говорят, так, как тебя учат или учили, разве не так!?

ВАСЯ. Так. А что ты можешь сделать? Мы же не изменим этот мир.

СВЕТА. Почему?

ВАСЯ. Кто мы? Мы просто ты и я.

СВЕТА. Дурак! Ты - человек!

ВАСЯ. И что!?

СВЕТА. Мы можем всё. Человек – звучит гордо!

ВАСЯ. Если ты человек, а если ты уже не человек?
СВЕТА. И то верно. Но ты же человек! Я же человек!
ВАСЯ. Ты девушка.
СВЕТА. Ага, ясно. Ну ладно, пусть так! Но я одна могу изменить этот мир, и без тебя, слышишь! Каждый может изменить мир!
ВАСЯ. Ты так думаешь?
СВЕТА. А тогда зачем жить? Если мир не меняется – зачем жить в этом мире, мире лжи, суеверий и мракобесия!?
ВАСЯ. Но он не меняется. А если меняется, то медленно.
СВЕТА. А я буду его менять.
ВАСЯ. Как ты будешь его менять?
СВЕТА. Как могу!
ВАСЯ. Ну, меняй.
СВЕТА. И ты так легко сдаёшься!
ВАСЯ. Мы же с тобой не на войне. Так, просто говорим.
СВЕТА. У меня каждый день – война. Каждый день так надо жить.
ВАСЯ. Ты там, в магазине, – как на войне? Бедные покупатели!
СВЕТА. Ну и пусть!
ВАСЯ. Ладно.
СВЕТА. Ты куришь?
ВАСЯ. Нет.
СВЕТА. Ну и плохо.
ВАСЯ. Почему?
СВЕТА. Я тоже не курю.
ВАСЯ. А это что?
СВЕТА. Сигареты. Но это – мой протест.
ВАСЯ. Против чего.
СВЕТА. Против обыденности.
ВАСЯ. Ты чего, здесь собираешься курить?
СВЕТА. Нет, на балконе.
ВАСЯ. Хозяйка будет ругаться.
СВЕТА. Ты эту гримзу боишься?! Трус!
ВАСЯ. Мне здесь жить.
СВЕТА. Как раб.
ВАСЯ. Не смешно. Ты бы её видела!
СВЕТА. Ты мне запрещаешь курить?
ВАСЯ. Нет, кури.
СВЕТА. Вот так, будешь? Ну, бери... Чего ты?

Вася берёт сигарету. Они стоят и смотрят с балкона на город.

СВЕТА. Это прикольно. Давай же...
ВАСЯ. Сколько огней!
СВЕТА. Да, красиво. Машинки ездят, окошки горят... А ты думал, что каждый из этих тысяч людей, в этих окошках, – это как целая планета.
ВАСЯ. Думал.
СВЕТА. И они не летают, а сидят в своих клетках.
ВАСЯ. А планета вольно не летает. Знаешь, она тоже по орбите своей крутится и туда-сюда... Не знала?
СВЕТА. И знать не хочу.

Вася кашляет.

СВЕТА. Ты чего, не курил никогда?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Ну даёт! Я же понарошку курю, дым пускаю. А ты чего?

ВАСЯ. А зачем понарошку?

СВЕТА. Для протеста - соседям воздух попортить. Ну, выброси её. Чего ты медлишь? Правильный, что-ли?

ВАСЯ. Ругаются.

Раздаётся стук в дверь.

СВЕТА. И пусть. Да ну их всех. Будь сам по себе. Стучат в дверь.

ВАСЯ. Хозяйка. Лезь к себе.

СВЕТА. Не хочу.

ВАСЯ. Она же увидит.

СВЕТА. И что?

Света ложится в кровать и накрывается покрывалом.

СВЕТА. Не увидит.

Входит Любовь Юрьевна.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты тут что?

ВАСЯ. Работаю.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Куревом потянуло. Не ты тут?

ВАСЯ. Нет, что вы! Не курю.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что-то так накурено здесь.

ВАСЯ. С балкона тянет.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А это что у тебя тут?

ВАСЯ. Вещи разбираю. Там, на стирку.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты ж приехал только, какая стирка? У нас стирка раз в месяц. И ты это... ванну не часто занимай. И там у меня плошка под раковиной. Ты туда воду наливаешь и из неё... Всё-таки тянет. Опять сверху курит. Девка такая поганая! Ты балкон закрывай, чтобы не тянуло. С ней тут не заснёшь, понял?

ВАСЯ. Хорошо.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А стирать будешь через три недели. Чего тебе стирать. Такие все чистюли стали. И моешься ты часто. Уже три раза. Зачем так часто? И по ночам не сиди.

ВАСЯ. Хорошо.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Лучше утречком, тихонько, как рассветёт. Вставай и сиди. А лучше... Вот я видела, люди идут в кафе, в торговые центры. Там и красиво, и людно, и Интернет бесплатный, и электричество бесплатное. Сиди хоть весь день. Чего ты тут киснешь? Накурила, паршивка! Не проветришь. Кажется, от тебя куревом пахнет.

ВАСЯ. Надышался я.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты закрой балкон. Завтра пойду им там выскажу. А то интеллигенция тут! Продыха от них нет.

Любовь Юрьевна уходит. Света вылезает из-под покрывала.

СВЕТА. Ты чего, её боишься, эту сумасшедшую, которая помешалась на деньгах?

ВАСЯ. А если бы она сдёрнула покрывало?

СВЕТА. Я бы её обозвала старой душой и показала бы ей страшную рожу.

ВАСЯ. А потом? Она же меня выгнала бы.

СВЕТА. Не выгнала бы. Ты бы сказал, что я сама пришла. Это же правда?

ВАСЯ. Правда.

СВЕТА. А людям всегда надо говорить правду. Они её всё равно по-своему понимают.

Света поднимается по лестнице вверх.

СВЕТА. Пока, не скучай. Мне ещё надо цветочки на ночь полить.

ВАСЯ. Цветочки?! Ты их выращиваешь?

СВЕТА. Нет, я их поливаю. Сверху вниз, по ночам.

ВАСЯ. Не понимаю.

СВЕТА. Да ну тебя.

Света залезает вверх. Вася остаётся на балконе. Сверху начинает литься вода вниз.

ВАСЯ. Ты чего делаешь?

СВЕТА. Поливаю цветы у подъезда. Они засохли.

ВАСЯ. С двенадцатого этажа?

СВЕТА. А почему нет? Не ходить же каждый раз вниз, правда?

ВАСЯ. Может, и так.

СВЕТА. Ты что, будешь опять придумывать дурацкие тексты на заданные кем-то темы?

ВАСЯ. Кому-то они нужны. А ты что будешь делать?

СВЕТА. Мечтать.

ВАСЯ. А думаешь, мечты сбываются?

СВЕТА. А что, если они не сбываются, не надо мечтать?

ВАСЯ. Не знаю.

СВЕТА. А я знаю. Мечтать надо всегда. Лезь ко мне.

ВАСЯ. Я не могу. Страшно.

СВЕТА. А ты вниз не смотри, тогда не страшно.

ВАСЯ. Я не могу.

Света сама спускается к Васе.

СВЕТА. А ещё знаешь, если не мечтать, то и жить скучно, и незачем. Надо придумывать, надо воображать, слышишь. И весь мир будет твой, а не их... И ещё вопрос, кто вокруг кого крутится, может, это вокруг моей планеты крутится весь мир, понял!

ВАСЯ. Думаешь?

СВЕТА. Видишь луну?

ВАСЯ. Вижу.

СВЕТА. Красивая?

ВАСЯ. Обычная.

СВЕТА. А я читала, что с каждым годом она от нас всё дальше.

ВАСЯ. Это как так?

СВЕТА. Всё дальше и дальше, на четыре сантиметра в год, представляешь!? Через миллионы лет она от нас улетит совсем.

ВАСЯ. Да ну тебя. Как улетит?

СВЕТА. А вот так. Через миллионы лет она будет уже далеко-далеко. Жалко, что она улетит.

ВАСЯ. Но это будет через миллионы лет.

СВЕТА. А мне всё равно жалко. Жалко, что уже ничего не вернуть.

Света залезает наверх. Вася смотрит на панораму вечернего города с балкона.

Затемнение.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ

Утро. В комнате Вася и Гриша. Гриша пьёт кофе.

ВАСЯ. А куда хозяйка ходит по утрам?

ГРИША. В лес она ходит, ходьбой занимается. Видел палки у двери? Скандинавская ходьба. Увлеклась старушка.

ВАСЯ. Спорт, значит.

ГРИША. Прожить хочет долго и беззаботно, чтобы с нашего брата скрести и скрести побольше и побольше. Меня-то она побаивается. Думает, что прибить её могу. Знаешь, как у Достоевского. Да и сериалы старушка смотрит. Нож у себя в комнате держит.

ВАСЯ. Для обороны?

ГРИША. Ну да. Это ты что, вчера курил в комнате?

ВАСЯ. Нет.

ГРИША. Приходила? Светка? Ну ты, брат, даёшь! Понравился, видать. А слышал, как наша старуха с утра шумела с соседями сверху.

ВАСЯ. Спал я. Лег поздно.

ГРИША. Базарила там. Вот люди бедные! Нам то что... Съедем - другое жильё найдём. А соседям как? Попадётся такая старушенция - будешь жить по её расписанию. Кстати, я по утрам стираю, когда она уходит, и моюсь. Я же говорю, жить надо по её графику. Она из дома – а ты делай, что хочешь. И заметил, душ я по утрам принимаю, а не так, как ты по вечерам. Она же считает все помывки и сколько минут. Вот увидишь...

ВАСЯ. Говорила уже.

ГРИША. Так что учись. Бью по ней её же методом.

ВАСЯ. А где же сушить?

ГРИША. Мелочь на дверце сушу, а побольше – так в коридоре, у лифта.

ВАСЯ. А старуха?

ГРИША. Ну, тут понимаешь, как её там – тактика такая. Старуха думает, что это соседи стирают и вешают, и с ними ругается. А соседи думают, что у бабки крышу сносит и не связываются. А мне чего? Я что, ждать буду её расписания? Да пошла она.

ВАСЯ. А если вещи твои выбросит?

ГРИША. Не выбросит.

ВАСЯ. Почему?

ГРИША. Она правильная. Чужое вот так не берёт. Обмануть – обманет. А красть не будет. Ей надо, чтобы ты сам ей отдал. Она вот что-то увидит и тебя спросит. А брать вот так не будет. Но спросит так, что сам отдашь, чтобы от неё избавиться. Нет, ты учись, брат. Таких знаешь, сколько по жизни встречается! Их вот их же макарон надо и бить. А со Светкой попридержи. Она, знаешь, без удержки, до беды довести может. А это что, ты чего повесть пишешь? Надо же!

ВАСЯ. Роман.

ГРИША. Ну ты, брат, даёшь! Писатель, значит. Весело!

ВАСЯ. Почему?

ГРИША. Да сейчас каждый столб - писатель. Да ты не обижайся. О чём пишешь-то? О

любви?

ВАСЯ. О жизни.

ГРИША. Значит, о любви... и много уже?

ВАСЯ. Много.

ГРИША. Дашь потом почитать? Я тебе что нужно скажу, без сантиментов, по делу. И чего, думаешь, будут читать?

ВАСЯ. Для себя пишу.

ГРИША. Ну пиши, писатель. Во дела! Если чего, обращайся. Ладно, ещё, слышь, старуха не любит, чтобы днём народ дома был, бдит она, киловатты считает.

ВАСЯ. Мне что, уходить?

ГРИША. Сиди тихо. Может, не заметит. Хотя она по квартире шастать любит. Слушай, а ты на балконе сиди. Дверь прикрой и сиди. А розетка там есть?

ВАСЯ. Я не видел розетку.

ГРИША. Вот смотри, старуха йогой тут занималась, а потом, видать, укачивать стало. Она в другую комнату переселилась. Так что, сиди тут тихо и не парься.

ВАСЯ. А кто она такая?

ГРИША. Кто?

ВАСЯ. Света.

ГРИША. В каком смысле?

ВАСЯ. Странная она.

ГРИША. Да привыкнешь, ничего, обычная она. Просто...

ВАСЯ. Чем она занимается?

ГРИША. Так вот, просто она с этим миром борется.

ВАСЯ. Она кто? Ну, актриса, художница, продавщица? Не пойму.

ГРИША. Да и то, и другое. А продавщицей она работала, когда в театральном училась. Денег-то у них не было с Марьей Петровной, ну, бабушкой её. Кем она только не подрабатывала. Вообще, тяжело ей пришлось, ну, по жизни.

ВАСЯ. Тяжело? А родители её?

ГРИША. Да, там, долго рассказывать. Захочет, так сама расскажет. А так, знаешь, у неё чувство справедливости обострено. Борется она...

ВАСЯ. За что?

ГРИША. За правду борется. Ну ладно, пора мне. А ты, если что, на балконе, там, сиди.

Затемнение.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Комната Васи. День. В комнате пусто. Дверь на балкон прикрыта. Вася сидит на балконе и работает за ноутбуком. Прислушивается. В комнату входит Любовь Юрьевна. Ходит по комнате, достаёт из шкафа какие-то вещи, шарфик. Примеряет его себе на шею, крутится с ним.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А ничего, цвет подходит.

Кладёт шарфик обратно. Замечает приоткрытую дверь на балкон.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Мальчик, конечно, рассеянный. Смотрю я на него... Как его из дома выпускают?!

Любовь Юрьевна закрывает дверь на балкон. Вася прижался к стенке. Любовь Юрьевна его не видит. Она продолжает проверять содержимое комнаты. Листает записи Васи.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Муть какая... Напишет же...

Любовь Юрьевна напевает себе под нос современную песню в виде старого городского романса. Уходит из комнаты и притворяет за собой дверь. Вася дергает дверь балкона, но она закрыта. Он смотрит на лестницу и делает попытки на неё забраться.

ВАСЯ. Вот, куда я попал. Дурдом, блин, страшно. Нет, я так не полезу. Нет... Страшно.

Но не решается перекинуть ногу через перила, в результате садится на пол. Сидит некоторое время. На компьютере раздаётся звонок о том, что кто-то ему звонит. Вася берёт ноутбук и нажимает на кнопку. Из ноутбука начинается доноситься отчетливая мужская речь.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Вася, слушай. Эй, ты тут?

ВАСЯ. Да, Костя, тут я.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Смотри, тут эти все начали нападать на эту депутатку.

ВАСЯ. Да, помню её.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Так вот, мочат её все в комментариях. Злит она народ. Сначала за одно грудь рвала, теперь... Так вот, надо активнее писать про неё положительное, что, там, для своего города, своей области она много делает, понял?

ВАСЯ. А что она делает? Я оттуда... Я не...

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Блин, Вася! Не зли! Найдёшь, придумаешь. Пиши... Опять ты...

ВАСЯ. Ясно.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Далее. Я там скинул тебе план. Там всё прочтёшь. И то, что на собрании говорил, учти.

ВАСЯ. Ясно.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Но я тебя знаю - опять что-то напишешь не то. Ты смотри...

ВАСЯ. Да я...

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. В общем, там эта демонстрация была недавно. Видел, слышал?

ВАСЯ. Ну да.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Ты, там, поактивнее пиши везде на эту тему в комментариях. Если кто-то что, там, будет писать, то сразу бей их, как обычно – пиши, что они лентяи, что работать не умеют, а только митинговать, что работать надо, идти учиться, зарабатывать... Так и пиши. Ну и всё в том же духе, понял?

ВАСЯ. Да.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Высмей их всех. Самое лучшее – высмеять их, выставить их неприглядно, смешно, понял?

ВАСЯ. А про пенсии...

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Пиши, что пенсии малы, но они есть, а у других стран и того нет... Что мы мост построили... И всё, как обычно. Тезисы я тебе скинул.

ВАСЯ. Ясно.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Я тебе там всё написал. Далее, помнишь задание о том, что мы мочим Буркова по всем фронтам?

ВАСЯ. Ну да.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Всё поменялось. Теперь пришла инструкция сверху, что его мы не мочим, а пишем про Митряковича и мочим его. Надо как следует, понимаешь, писать про Митряковича, и в том духе, что такие гады раскачивают общество, борются, там, с

коррупцией, а сами только себе бабло делают, понял?

ВАСЯ. Понял, как обычно, что-то придумать?

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Пиши, да... Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в неё верят, понимаешь? Учись.

ВАСЯ. Надоело.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Что! Пиши! На твоё место найду других. Не вырубайся, понял!?

ВАСЯ. Понял.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. И пиши с душой, не халтурь.

ВАСЯ. Сначала хвалим, потом ругаем...

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Прекрати. У нас работа такая. Что указывают, то и делаем. Им виднее.

ВАСЯ. Понял.

ГОЛОС ИЗ НОУТБУКА. Про этого сенатора, ну, помнишь, который правила на дороге нарушает, ему там пост дают, губернатором, кажется, будет. Ну, забыл совсем, я тебе на почту сбросил инструкции. Заказ пришёл сверху. Негатив к нему в обществе. Надо фон поменять. Пиши, там, что детям, сиротам помогает, что лично слышал, лично видел, ну, как обычно, что тебе лично помог, брату твоему, сестре... Позатыкай, там, все рты, ага? Ну, давай.

ВАСЯ. Давай.

Связь прекращается. Вася смотрит в монитор. Потом бьёт со всей силой в стенку.

ВАСЯ. Достало это всё!

Трясёт ноутбук. Потом садится и начинает набирать сообщения и работать.

Затемнение.

ЧАСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Вечер. В комнате темно. На балконе сидит Вася. Сверху слышатся голоса. Вася сначала вполголоса, а потом громче зовёт.

ВАСЯ. Света, Свет... Свет... Свет... Слышишь, Свет... Света... Света... Свет... Света...

Сверху появляется Света.

СВЕТА. Ты чего, соскучился?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. А чего зовёшь?

ВАСЯ. Меня тут закрыли.

СВЕТА. Тебя? Тут! Как?

ВАСЯ. Долго рассказывать. Старуха закрыла... С обеда сижу.

СВЕТА. Есть хочешь?

ВАСЯ. Хочу... и пить...

СВЕТА. Сиди тут. Сейчас приду.

Света исчезает.

ВАСЯ. Сиди тут! А куда я могу деться?

Появляется Света с пакетом и слезает вниз.

СВЕТА. Вот, держи. Здесь вода и пирожки. Ешь пока.

Вася начинает есть.

СВЕТА. А хочешь, ко мне лезь. Чего, боишься!? Как бы тебя переместить по ту сторону двери, не знаешь?

ВАСЯ. Не знаю.

СВЕТА. Может, спрыгнешь?

ВАСЯ. Куда?

СВЕТА. Вниз. Что, боишься!?

ВАСЯ. Да ну тебя.

СВЕТА. А было бы здорово. А может, стекло разбить?

ВАСЯ. А другого выхода нет? Старуха прибежит.

СВЕТА. Будет весело. Ладно, знаю я, смотри.

Света достаёт из джинсов отвертку и быстро открывает дверь.

СВЕТА. Видал, я – дока.

ВАСЯ. А пирожки вкусные.

СВЕТА. Это с голода.

ВАСЯ. Твои?

СВЕТА. Ну да, буду я тратить силы на то, чтобы готовить, - купила... в магазине.

Вася хочет включить свет в комнате.

СВЕТА. Не включай.

ВАСЯ. Почему?

СВЕТА. Так интереснее. Давай вместе помечтаем.

ВАСЯ. О чём?

СВЕТА. А чего, тебе не о чем помечтать?

ВАСЯ. Не знаю...

СВЕТА. О чём-то несбыточном?

ВАСЯ. А что может быть несбыточным?

СВЕТА. Выиграть миллиард.

ВАСЯ. Ты об этом мечтаешь?

СВЕТА. Я что, дура? Да ну его, этот миллиард, это я просто так. Что мне с ним делать? Мучайся потом, первничай, переживай.

ВАСЯ. А что переживать?

СВЕТА. Деньги – зло, от них надо избавляться.

ВАСЯ. Никогда не думал, что от денег надо избавляться.

СВЕТА. Потому что ты ещё маленький.

ВАСЯ. Какой же я маленький?

СВЕТА. Маленький, маленький. Слушай, а ты можешь дать мне деньги.

ВАСЯ. Зачем?

СВЕТА. Глупый вопрос.

ВАСЯ. Сколько?

СВЕТА. Десять тысяч!
ВАСЯ. У меня столько нет.
СВЕТА. А сколько есть?
ВАСЯ. Пара тысяч.
СВЕТА. Дай тысячу.
ВАСЯ. Зачем?
СВЕТА. Нужно. Увидишь.

Вася достаёт из кармана тысячу. Света выхватывает деньги и бросает их с балкона.

ВАСЯ. Ты что?
СВЕТА. А ты прыгни за ними. Ну же...
ВАСЯ. Ты обалдела, ненормальная...
СВЕТА. А ещё люди убивают ради денег. Ты же меня готов убить?
ВАСЯ. Нет. Мне заплатят только через две недели. На что я буду жить?
СВЕТА. Проживёшь! Не маленький! Ты говорил, что у тебя ещё тысяча есть. Дай!
ВАСЯ. Ты что!? Ты ненормальная!
СВЕТА. Вот так! Значит, ты мне не доверяешь? Дай её! Бумажку эту дай!
ВАСЯ. Не дам.
СВЕТА. Значит, ты мне не веришь. Значит, вот так!
ВАСЯ. Вот так!

Вася достаёт из кармана бумажку и, отвернувшись, даёт её Свете. Света берёт бумажку.

СВЕТА. Знаешь, её можно выбросить, можно сжечь, можно разорвать, слышишь! Это бумажка! Она же ничего не значит. А главное – мечтать и верить. Понял!

Света засовывает бумажку в карман Васи, залезает на лестницу и поднимется наверх.

СВЕТА. Не называй своим ничего, кроме своей души. Люби не то, что ты есть, а то, каким хочешь и можешь стать... Вот так!

Света поднимается выше.

ВАСЯ. А цветы поливать будешь?
СВЕТА. А надо?
ВАСЯ. Не знаю...
СВЕТА. Зануда ты.
ВАСЯ. Стой!

Света спускается обратно.

СВЕТА. Чего тебе?
ВАСЯ. Знаешь, я всю жизнь...
СВЕТА. Всю жизнь - скажешь же.
ВАСЯ. Ну да, когда я в школу ходил, когда был маленький...
СВЕТА. А ты и сейчас маленький.
ВАСЯ. Ты всегда такая? Ты же слова не даёшь сказать!
СВЕТА. Да, говори.
ВАСЯ. Мы жили с мамой и бабушкой в посёлке, на первом этаже, в двухэтажном доме.
СВЕТА. И что?

ВАСЯ. Ты опять?!

СВЕТА. Молчу я.

ВАСЯ. А из развлечений там была одна библиотека, где я перечитал все книги. А вокруг - лес и поля. И мне казалось, что у нас там такая тоска и что стоит приехать сюда, в большой город, - и здесь будут и театры, и музеи, и кино, и куча библиотек... и самое главное - людей много, много людей, и жить тут можно высоко-высоко, так, чтобы было всё-всё видно, а не так, как там, у нас, - лишь кусты сирени.

СВЕТА. А ты любил читать?

ВАСЯ. Да, конечно.

СВЕТА. Конечно да...

ВАСЯ. Ты что?

СВЕТА. И, наверное, ты без ума от классики, типа Толстого с Тургеневым.

ВАСЯ. А ты что, не любишь?

СВЕТА. Нет, не люблю.

ВАСЯ. Ну как же!? Это же... не знаю... Ну, тот же Толстой или Достоевский, Братья Карамазовы, Война и мир, Анна Каренина... Чехов...

СВЕТА. А ты читал Анну Каренину?

ВАСЯ. Читал.

СВЕТА. Ну и как?

ВАСЯ. Ну, это роман о трагической любви. Там дана картина нравов и быта дворянской среды Москвы и Петербурга девятнадцатого...

СВЕТА. И что? Ну и что? А тебе-то нравится?

ВАСЯ. Я читал. Это классика. Как она может не нравиться.

СВЕТА. Это всё бред.

ВАСЯ. И Толстой бред!? Ты что!?

СВЕТА. Бред!

ВАСЯ. Ты не права!

СВЕТА. Права! Большая часть романа там о чём?

ВАСЯ. О любви, об Анне...

СВЕТА. Какая Анна!? Там о Левине и Китти... Прямо подаётся всё в таком радужном свете! А так, если почитать, то скука и бред. Ну что ты для себя вынесешь, когда прочитаешь эту Анну Каренину?

ВАСЯ. Ну, каждый русский...

СВЕТА. Бред. Это написано сто пятьдесят лет назад, и тогда ещё и Салтыков-Щедрин, и другие раскритиковали эту Анну Каренину. А вы сейчас считаете это классикой. Ну и что, что классика? Что от этого? Каждая книга должна что-то давать человеку, к чему-то побуждать. А к чему побуждает этот бред Толстого? Полромана - размышления о крестьянах, ненужные отступления и нравоучения: рожай, занимайся хозяйством...

ВАСЯ. Да ты не права. Ты понимаешь, это великий роман!

СВЕТА. Ага, Толстой доказал с терпением и талантом, что женщине не следует гулять ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом, когда она жена и мать.

ВАСЯ. Сама сочинила?

СВЕТА. Дурак ты! Скушай! Некрасова не хочешь?

ВАСЯ. Да ну, какой Некрасов!?

СВЕТА. Вы начитались, выучились, возвели в истину какие-то мифы, книги, а мира знать не хотите. Вы исполняете свой долг перед культурой! Читаете это всё для того, чтобы потом сказать, что прочитали, что вы образованные, что вы культурные... Считаете, что книги чему-то учат! А чему? Вот ты, небось, учился в своём городке на пятёрки?

ВАСЯ. Учился.

СВЕТА. На пятёрки?

ВАСЯ. На пятёрки учился!

СВЕТА. Отличником был?

ВАСЯ. Да!

СВЕТА. Типа, стихи рассказывал, сочинения писал, диктанты всякие и так далее, ага!?

ВАСЯ. Решал, учился. И что в этом плохого?

СВЕТА. А то, что я терпеть не могу вас, отличников!

ВАСЯ. Сама троечница!

СВЕТА. Да. И ничего в этом нет. А вы зубрите, учите, читаете... Но толку от вас нет. Учитесь...

ВАСЯ. Ну и что?

СВЕТА. Учитесь, оценки получаете, а дальше что? Смысл вашего учения?

ВАСЯ. Учиться, знать!

СВЕТА. Чтобы... чтобы... ну, как все быть, ага!? Такими, как все? Все учатся, все пятёрки получают, и надо тоже пятёрки получать, и надо учить, читать то, что написано. А правильно ли там написано? Вот над этим вы не задумываетесь. Вы на слово верите, вот так! Вы не задумываетесь.

ВАСЯ. Почему ты так решила?

СВЕТА. Да потому что достали все меня со своими правилами, со своими учениями. Вот скажите лучше, зачем это всё, что такое справедливость, что такое счастье, что такое жизнь? А никто не знает этого.

ВАСЯ. Ты не права. Вот бабушка мне всегда говорила, что надо верить только своим чувствам.

СВЕТА. Ну, допустим. А кто она у тебя?

ВАСЯ. Она учительница.

СВЕТА. А где твои бабушка и мама?

ВАСЯ. Там остались. Бабушка в школе работает, а мама в администрации.

СВЕТА. А ты чего уехал?

ВАСЯ. Как чего?

СВЕТА. Своих зачем бросил?

ВАСЯ. Сначала учиться, потом работать.

СВЕТА. Ты учился тут?

ВАСЯ. Да. Я думал, что приеду, буду учиться, что я стану известным.

СВЕТА. Да ну?!

ВАСЯ. А там, дома, делать нечего.

СВЕТА. Я бы никогда не бросила. Вот, знаешь, если я и мечтаю, то об одном, о том, чтобы были бы все живы, понимаешь?

ВАСЯ. Ну, они и так живы.

СВЕТА. Живы... А кто жив!? Преступники да бандиты... Плохие люди... Они живы, а хорошие умирают. Те, кто живы, пусть...

ВАСЯ. Ты злая.

СВЕТА. А я мечтаю, чтобы меня никто не трогал, чтобы все те, кого я любила, были бы живы! Чтобы ни одна сволочь бы к ним не подходила, понимаешь! Только никогда этого не будет. Ничего не вернуть. Вот так! А ещё, чтобы был мир, чтобы не было войны, чтобы люди были добрыми... и любили... друг друга любили.

Света поднимается по лестнице.

СВЕТА. А этот город. Ну и что - миллионы чужих людей. Миллионы людей, которые не нужны друг другу. Лучше жить далеко-далеко отсюда, слышишь, и на первом этаже, и смотреть на любимый куст твоей сирени, и чтобы были рядом те... Ничего ты не знаешь!

Вася стоит на балконе и смотрит на город.

Затемнение.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

Утро. Светает. Вася спит. Дверь на балкон открыта. На столе стоит открытый ноутбук. По лестнице спускается Света. В руке у неё мятый листок. Она входит в комнату и видит спящего Васю. Подходит к нему, садится на пол, смотрит на него.

СВЕТА. Спит, сплючка.

Кладёт свой листок рядом с ним. Потом встаёт, хочет выйти, видит ноутбук. Подходит к нему, нажимает на кнопку, читает.

СВЕТА. «Вы не хотите работать, поэтому вышли на митинг. Может, вам пойти учиться. Вы - лентяи. Вы раскачиваете лодку, когда вся страна работает. Пенсии? Маленькие, да. Зато они есть. А в других странах их нет». Фигня какая... Сенатор Артамонов. Артамонов! Так, далее. «Я сам был свидетелем того, с какой он любовью относится к пожилым людям, как он ласково и тепло с ними общается. А сколько он полезного сделал для нашего города! Детские площадки! Только непатриотичные люди, не любящие свою страну, не уважающие её, могут писать что-то плохое про сенатора. Явно, что все они проплачиваются из-за рубежа». Так...

Вася проснулся. Смотрит на Свету.

ВАСЯ. Ты что?

СВЕТА. Сенатор Артамонов относится с любовью к пожилым людям!?

ВАСЯ. Ну и что?

СВЕТА. Ты написал?

ВАСЯ. Я.

СВЕТА. Зачем?

ВАСЯ. Как? Платят - пишу.

СВЕТА. Эту гадость!?

ВАСЯ. Работа такая.

СВЕТА. Писать про этих уродов и писать про то, что они достойные люди!?

ВАСЯ. Тебе-то что?

СВЕТА. А ничего! А если он убийца, твой Артамонов?! Убийца, слышишь!

ВАСЯ. Ну и что, что убийца. Дальше-то что? Мне платят...

СВЕТА. Как что!?

ВАСЯ. Что разоралась. Мне платят - я пишу эти комментарии. Работа такая.

СВЕТА. Писать эти статьи да комментарии, чтобы люди читали и думали, что они такие все хорошенькие, да, чистенькие! Ложь писать!

ВАСЯ. Ну, работа такая!

СВЕТА. Ты про убийцу пишешь! Он гад! Пусть он...

ВАСЯ. Да что ты? Это неправильно...

СВЕТА. Что неправильно?

ВАСЯ. Так говорить.

СВЕТА. Пусть они все сдохнут, эти судьи, губернаторы, чиновники!

ВАСЯ. Это же люди! Ты что, Света!

СВЕТА. Они не люди! Они – убийцы!

ВАСЯ. Ладно тебе!

СВЕТА. Пусть провалятся! И твой сенатор пусть провалится! Зачем они все живут? Зачем копят это небо? Для чего они все? Чтобы жрать, пить, испражняться и гадить всем! Они пустые люди, слышишь! В них ничего нет! Они ни для чего не существуют, слышишь! Пусть провалятся!

ВАСЯ. Нельзя так говорить. Это против бога!

СВЕТА. Бога!?

ВАСЯ. Ну да, они же люди.

СВЕТА. А где был твой бог, когда из-за них люди гибли! Ты что, ещё и верующий тут!?

ВАСЯ. Иногда хожу в церковь.

СВЕТА. Нету бога! Он для них есть, для этих богатеев и буржуев! А для нас его нет, понял?! Они захотят - сгноят тебя! И не спасёт тебя никто, слышишь!

ВАСЯ. Что ты разоралась!?

СВЕТА. Они строят эти церкви, а про совесть забыли, понял! Нет у них совести! И нанимают таких, как ты, чтобы ты писал про их честное имя! Трус ты!

ВАСЯ. Ты не боишься?

СВЕТА. Чего не боюсь?

ВАСЯ. Так говорить. Говорить, что они сдохнут. Ты смерти не боишься?

СВЕТА. Нет.

ВАСЯ. Не думаю.

СВЕТА. А чего мне бояться? У меня ничего нет. Никому я не нужна. Им надо смерти бояться – богатым. Свои богатства они никуда не денут, с собой не унесут – им надо смерти бояться. Не мне, слышишь! А про митинг ты написал?

ВАСЯ. Ну и что?

СВЕТА. Люди выходят на митинги из-за безысходности, ты понимаешь! Им нечего терять, они устали от несправедливости, от лжи... А ты пишешь...

ВАСЯ. Пишу. Но что ты хочешь? Так всегда было. Мы ничего не решаем. Эти митинги...

СВЕТА. Все так говорят! Придумали...

ВАСЯ. Ты ничего не исправишь.

СВЕТА. А что же, сидеть здесь! Что же, молчать! За это боролись? Когда-то скинули буржуев, чтобы страна была для простых людей. А сейчас всё отняли...

ВАСЯ. Но ты одна ничего не сделаешь. Как ты не понимаешь!

СВЕТА. А я не буду сидеть. Я буду, буду бороться! Я хочу, чтобы мой народ, моя страна были не страной рабов, а великой страной свободных, свободных людей!

ВАСЯ. Мечты.

СВЕТА. Ну и что? Лучше так, чем как ты.

ВАСЯ. Но мне деньги нужны! Мне самому противно.

СВЕТА. Иди работать.

ВАСЯ. Куда?

СВЕТА. Мешки иди грузить.

ВАСЯ. Там меня не возьмут.

СВЕТА. Почему не возьмут?

ВАСЯ. Там мигранты, нас там не возьмут: ни в магазинах, ни в кафе, ни где-то ещё.

СВЕТА. Это да.

ВАСЯ. Мне самому уже всё это... ну, надоело. Слушай, я вот думаю, а если бы был жив Гагарин.

СВЕТА. Гагарин?

ВАСЯ. Ну да. Он бы был таким же, как они? Он предал бы нас? Был бы депутатом или губернатором и жил бы в шикарном доме на Рублёвке?

СВЕТА. Он!? Нет. Он - нет!

ВАСЯ. Потому он и погиб.

СВЕТА. Первыми погибают лучшие. И я...

ВАСЯ. Скажи, а если ты будешь кому-то нужна? Ну, ты будешь тогда бояться смерти?

СВЕТА. Что!?

ВАСЯ. Если ты будешь...

СВЕТА. Я поняла, поняла... Я не знаю.

ВАСЯ. Я думаю — а зачем я живу?

СВЕТА. Слушай, не пиши этот бред. Займись чем-нибудь...

ВАСЯ. Я роман пишу. И повести есть, и пьесы. Но никто их и знать не хочет. Никому не нужно это. Вот так! А это что за листок дала?

СВЕТА. Ничего. Отдай обратно!

Вася читает листок. Света стоит и смотрит на него.

ВАСЯ. Так, ничего.

СВЕТА. Что ничего?

ВАСЯ. Стихи. Твои?

СВЕТА. Мои.

ВАСЯ. Только ошибок много. Вот смотри, здесь надо по-другому написать. Это неправильно.

СВЕТА. Правильный, да!

ВАСЯ. Ты что?

СВЕТА. А ничего! Правила тут выучил и будешь всех учить!

ВАСЯ. Но так писать неправильно, не по-русски.

СВЕТА. А кто сказал, что так правильно?

ВАСЯ. Ну, правила есть. Понимаешь, правила. В школе их учат!

СВЕТА. И что!?

ВАСЯ. Писать надо по правилам. Так правильно.

СВЕТА. А если я буду писать не по правилам! Тогда что?

ВАСЯ. Неправильно это.

СВЕТА. И что, что неправильно! И что!?

ВАСЯ. Безграмотно.

СВЕТА. Кто так решил! Ты?

ВАСЯ. Не я! Правила есть.

СВЕТА. Что ты заладил про свои правила! Все правила придумали для того, чтобы им подчинялись! А я не хочу подчиняться правилам, понял! Не хочу!

ВАСЯ. Но надо писать правильно! Есть правила!

СВЕТА. И что!?! А я пишу так, как хочу! Я не подчиняюсь им! У меня свои правила! Понял! Отдай!

Света вырывает у него листок и идёт на балкон.

ВАСЯ. Всё равно, понимаешь! Правильно писать...

СВЕТА. Заладил. Вот и пиши правильно для своих убогих сенаторов! Им и пиши по их правилам. А я не хочу!

ВАСЯ. Надо всегда писать правильно, понимаешь!?

СВЕТА. Всегда?

ВАСЯ. Да, всегда.

СВЕТА. А что такое твоё «всегда»?

ВАСЯ. В каком смысле?

СВЕТА. Ну, ты говоришь «всегда», а что это такое?

ВАСЯ. Слово.

СВЕТА. Ну и что? Дальше что?

ВАСЯ. Всегда – значит, всегда, ну, вечно, долго. Ну, не знаю... Ты что, сама не знаешь?

СВЕТА. Не знаю.

ВАСЯ. Да ну тебя.

СВЕТА. А то, что нет этого «всегда», нет этого «вечно» - это лишь мираж. Всегда писать правильно, всегда... А что, если нет этого «всегда»? Что, если это «всегда» кончится, если оно не будет всегда?..

Света залезает на лестницу и кидает свой листок.

ВАСЯ. Зачем?

СВЕТА. А так! Лети! Всегда лети... Везде лети...

ВАСЯ. Ты странная.

СВЕТА. Пусть всегда будет солнце!

ВАСЯ. Что ты там?

СВЕТА. Пусть всегда будет небо! Пусть всегда буду я! Пусть всегда... Пусть всегда будет папа! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда буду... Всегда... Всегда...

Света скрывается. Вася с недоумением смотрит на скрывающуюся Свету.

Затемнение.

ЧАСТЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

День. Гриша спит на диване. Солнечно. По лестнице спускается Света и подходит к Грише. Дует на Гришу.

СВЕТА. А где Вася?

ГРИША. Ушёл.

СВЕТА. А ты чего тут?

ГРИША. Здесь теплее и солнце. Полежать хорошо. Ветерок.

СВЕТА. А когда он вернётся?

ГРИША. Да откуда ж я знаю. Он мне не докладывал.

СВЕТА. Ясно.

ГРИША. А ты чего?

СВЕТА. Да так.

ГРИША. Что случилось?

СВЕТА. Скажи, Гриша, ну, вот тебе не хотелось всё-всё бросить? Сказать всем, ну, послать всех?

ГРИША. Ну, хотелось. А что случилось-то?

СВЕТА. Да так.

ГРИША. Бабушка твоя что сказала, Марь Петровна?

СВЕТА. И она то же.

ГРИША. Не обращай внимания, помирись.

СВЕТА. Этот сенатор.

ГРИША. Опять сенатор.

СВЕТА. Ну, опять.

ГРИША. И что он?

СВЕТА. Он и другие там памятник открывали.

ГРИША. Кому?

СВЕТА. Великой Отечественной. Там деревни жгли фашисты с живыми людьми - им памятник открыли. В Смоленской области.

ГРИША. И что твой сенатор?

СВЕТА. Он не мой.

ГРИША. Ну...

СВЕТА. Я говорю бабушке, что он - первый фашист, что он не имеет права примазываться к нашей Победе, что он не имеет права там быть вообще, что его место за решёткой и всё такое.

ГРИША. А Марь Петровна, что?

СВЕТА. А она говорит: не трогай, ты не знаешь, пусть открывает - дело благое.

ГРИША. Благое.

СВЕТА. Пусть благое. Но только это не их Победа.

ГРИША. А чья?

СВЕТА. Не их. Моя Победа, бабушки Победа. Отца моего Победа, но не их.

ГРИША. Почему же?

СВЕТА. Потому что они примазались. Были бы фрицы сейчас здесь, я бы пошла в партизаны, понимаешь.

ГРИША. Пошла бы. Это точно.

СВЕТА. А эти бы отсиживались да полиция бы работали. Натура их такая, понимаешь? Они такие же фашисты. Только надо им сейчас – вот перерезают ленточки, памятники открывают, в патриоты записались. А на самом деле.

ГРИША. А что на самом деле?

СВЕТА. А на самом деле – предатели они все.

ГРИША. А бабушка твоя, что?

СВЕТА. Слушать не стала. Руками замахала. На святое, сказала....

ГРИША. На святое?

СВЕТА. А на какое святое!? Если это так и есть. Если они не имеют отношения к нашей Победе, к нашей беде, к нашей радости. Они - первые предатели. А скажи я об этом открыто, так меня первой заклеят они же. А ведь я пойду Родину защищать, и несмотря ни на что... А они-то нет... Вот, понимаешь?

ГРИША. Да ладно тебе...

СВЕТА. Да ну тебя, ты такой же.

ГРИША. А Ваську что искала?

СВЕТА. И он такой же!

ГРИША. И он такой же!?

СВЕТА. Да!

ГРИША. Что так?

СВЕТА. Я ему стихи дала. Ночью сочинила.

ГРИША. А он не оценил?

СВЕТА. Да!

ГРИША. И стал исправлять ошибки.

СВЕТА. Да. Он тебе сказал? Зачем?

ГРИША. Да нет. Это я догадался.

СВЕТА. Ясно.

ГРИША. А ты мне их прочти.

СВЕТА. Тебе!? Ты же не любишь стихи.

ГРИША. Ну, как хочешь.

Света читает стихи.

СВЕТА. Это я. Не ангел и не бес, а просто человек. Это я. Была для счастья рождена, была любима и добра. Это я. Живу в смятении и справедливости ищу. Это я. Я к вам пришла. Я здесь, я тут. Это я. Не ангел и не бес. Я – человек.

Гриша молчит.

СВЕТА. Скажи, Гриш.

ГРИША. Что?

СВЕТА. Куда бы щенков пристроить?

ГРИША. От Ньюшки? Перловку-то едят?

СВЕТА. Едят.

ГРИША. Да рано ещё. Маленькие они.

СВЕТА. Надо сейчас думать.

ГРИША. Придумаем.

СВЕТА. Я тут старые вещи собрала.

ГРИША. Для бомжей?

СВЕТА. Нет! Не называй.

ГРИША. Ладно, ладно. Тут слышал, что соседки говорят, что торгуешь ты этими вещами.

СВЕТА. Ну и пусть думают.

ГРИША. Обсуждают.

СВЕТА. Одна не довезу туда. Где бы машину...

ГРИША. О...

СВЕТА. Ну, Гриша.

ГРИША. Когда?

СВЕТА. Уже надо.

ГРИША. Тут я Мишке помогал с балконом. Ну, знаешь?

СВЕТА. Не знаю.

ГРИША. Да ладно. Машина у него - попрошу.

СВЕТА. Спасибо.

ГРИША. Ладно.

Молчание.

СВЕТА. Почему люди такие скучные?

ГРИША. Скучные!?

СВЕТА. Ну да.

ГРИША. Да нет. Просто все люди по-разному чувствуют, понимают. Ну, по-разному. Не знаю, как сказать...

СВЕТА. А ещё люди стареют.

ГРИША. Причём тут это?

СВЕТА. Я тут подумала, знаешь, что такое старость?

ГРИША. Знаю. Плохо всё когда.

СВЕТА. Нет.

ГРИША. Ну, что же?

СВЕТА. Гриша, старость - это когда тебе ничего не нужно, когда тебя всё устраивает.

ГРИША. Ну, я думаю, что никого ничего не устраивает.

СВЕТА. Да нет. Я имею в виду, когда человек не хочет ничего менять, не любит перемен, со всем мирится, ничего не хочет нового.

ГРИША. И этот человек старый?

СВЕТА. Да. Если можно что-то поменять, изменить и это просто сделать, а человек не хочет

– его, лично его, всё устраивает. Деньги платят, крыша есть, уважение, там, есть – и больше ничего не надо, не надо бороться, не надо к чему-то стремиться. Всё. Ты остановился. Тебя всё устраивает!

ГРИША. Ну ты загнула!

СВЕТА. Загнула. Просто, понимаешь, они - старые. Им ничего не нужно. И понимаешь, старым можно стать уже и в тридцать, а можно и в сто лет не быть старым.

ГРИША. Ты, Светка, – философиня.

СВЕТА. А я не хочу быть старой!

ГРИША. Не хочешь?

СВЕТА. Я хочу бороться, я хочу жить! Понимаешь, жить! А не...

ГРИША. Ну, все равно.

СВЕТА. А если я буду такой, как все они, если я буду крашеной тёткой с длинными ногтями и в голове будут только глупости... Или если я буду злой и старой гримзой в очках, с маленькими серёжками в ушах и в страшной шапке, прячущей невымытые волосы... Пусть меня застрелят лучше!

ГРИША. А если некому застрелить!?

СВЕТА. Тогда сама застрелюсь!

ГРИША. Во как!

СВЕТА. Почему они?..

ГРИША. Кто они?

СВЕТА. Ну, эти старые всякие бабушки, тётки, дяди... ну почему они так любят всё запрещать, не давать?

ГРИША. Они уже пожилы, лучше знают.

СВЕТА. Они всё запрещают: это нельзя, это не положено, это запрещено. А почему? Почему они насаждают нам свои правила? Почему мы должны жить по их правилам, а не по своим!?! Они говорят: это нельзя, это незаконно. А кто так решил, почему нельзя, почему незаконно? Не знают они. Незаконно и всё. Они всего боятся, они ничего не хотят менять, они живут в мире какого-то абсурда и подчиняются ему. А я так не хочу!

ГРИША. Ты максималистка.

СВЕТА. Они.

ГРИША. Старые?

СВЕТА. Ну да, они говорят о гуманизме, о любви, о справедливости, о каких-то человеческих ценностях...

ГРИША. Все говорят, ну и что?

СВЕТА. Нет. Они сделали из этого фетишь, как из той же Победы. Они упиваются всем этим.

ГРИША. Чем?

СВЕТА. Они упиваются своей правдивостью, своей правильностью, своей близостью к только им ведомым истокам.

ГРИША. Ты о чём? А на самом деле?

СВЕТА. А на самом деле... на самом деле... Ну, вот стоит им увидеть девушку с татуировкой или парня с серьгой, или что-то далёкое от их правильной картины мира - и начинают топтать ножкой – ату его, ату его, изгнать, задавить. Им важно не содержание, не то, что внутри, - им важна форма, то, что сочетается с их «правильным» представлением обо всём – о мире, о политике, о литературе, о театре.

ГРИША. Думаешь?

СВЕТА. Да! Как только они видят, что что-то не так, что что-то выпадает из их правильного видения, - вся их справедливость, человечность и гуманизм улетучиваются, они готовы задавить, раздавить любого, кто иначе думает, кто не похож на их мир. Им важно не содержание, не мысли человека, не его душа, а лишь правильная форма. А форма – это что? Это пустяк. Любая проститутка может быть намного благостнее, чем какой-то прилежный

прихожанин. И она будет намного ближе к богу, чем эти святоши.

ГРИША. Загнула ты. Ты поаккуратнее с этими речами - не поймут тебя.

СВЕТА. Вот именно! Они не поймут. У них свой вырисованный мир, и менять его, изменять они все не готовы. Им проще меня раздавить, съесть, сожрать, чем понять, почему я такая и какая у меня душа. Все смотрят только на форму, а не на содержание – никогда. Когда ты молод, то ты готов ещё понимать кого-то. А когда стареешь, то ты надеваешь на себя кучу одежек из каких-то старых догм, правил, ритуалов, и вылезти из них тебе уже трудно. В этих одежках тепло и уютно, комфортно! Ведь посмотри: смотришь телевизор, этих политиков - и ведь говорят все правильно, о народе заботятся – не упрекнёшь их. Но это лишь форма. А какое их содержание – гниль. Но всем важна лишь форма. Меня будут считать сошедшей с ума, непохожей, странной. А они такие чистенькие, хорошенькие, правильные! Но внутри – кто они внутри? А это не важно. Главное для всех – форма. Главное – это их запреты, их правила, их законы. А почему? Почему так? Зачем так? Почему нельзя быть, жить по-другому.

Слышится звук открывающейся двери.

СВЕТА. Может, это Вася?

ГРИША. Стихи новые хочешь показать?

СВЕТА. Не хочу. Пойду я.

ГРИША. Я посмотрю.

Гриша встаёт, потягивается, но тут дверь открывается и на пороге комнаты появляется Любовь Юрьевна. Она непонимающе смотрит на обоих.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Гриша!?

ГРИША. Мы это... Ну, как сказать...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что она тут делает!?

ГРИША. Что она тут делает!?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я не шучу, это не смешно. В чужой квартире.

ГРИША. Любовь Юрьевна, да вы не волнуйтесь. Там, понимаете, им срочно паронитовая прокладка понадобилась и... штуцерное кольцо.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Кому?

ГРИША. Ну, соседке, Марь Петровне. Вот Света и пришла. Говорит, нет ли у меня штуцерного кольца с паронитовой прокладкой. А я говорю, была где-то, может, Васе отдал. Пошёл посмотреть. Ищу. Нет её.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Чего нет?

ГРИША. Прокладки паронитовой, да и кольца штуцерного. Обыскался. Так что, Свет, нет. Извини. Я поищу ещё.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ничего не понимаю, Гриша!?

ГРИША. Она по-соседски. Нет - так нет. А вы, Любовь Юрьевна, мою просьбу помните про микроволновку, а? Я тут вот что подумал, а что если нам...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Гриша, мне надо сейчас бежать. Я продукты только занести. Вот ты всегда так.

Любовь Юрьевна уходит.

СВЕТА. А что такое это кольцо и что-то там такое паронитовое?

ГРИША. Тебе всё равно не понять. Основное правило жизни – запудрить мозги.

СВЕТА. Я пойду.

Света хочет пойти через балкон.

ГРИША. Не, не, иди лучше через дверь, а то потом она будет тебя на балконе караулить. И бабушку не трогай.

СВЕТА. Да я не трогаю, но понимаешь...

ГРИША. После, после. Устал я от тебя.

СВЕТА. Ты такой же.

ГРИША. Знаю, знаю. Иди от греха.

Гриша выталкивает Свету за дверь.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

День. Вася сидит за компьютером. Гриша ходит по комнате. Пьёт кофе и ест пирожок.

ГРИША. Хочешь?

ВАСЯ. Нет, в рот ничего не лезет.

ГРИША. Светка угостила.

ВАСЯ. Меня вчера тоже.

ГРИША. Вкусно готовит, правда?

ВАСЯ. Да это покупной.

ГРИША. Да это она придуривается. Сама она. Я-то знаю. Ну чего, будешь?

ВАСЯ. Нет.

ГРИША. И сколько ты вчера сидел на балконе?

ВАСЯ. Весь день.

ГРИША. Не повезло. Эту деталь я не учёл. А чего хозяйка делала? Изучала?

ВАСЯ. Досконально.

ГРИША. Это она может.

ВАСЯ. А Светка всегда такая?

ГРИША. Какая?

ВАСЯ. Вчера попросила у меня тысячу и выкинула её. Сегодня утром целый скандал устроила, там, про бога, про справедливость.

ГРИША. О как! Артистка! А у меня пять тысяч выкинула. Я потом полдня по двору рыскал, так и не нашел.

ВАСЯ. Когда это было?

ГРИША. Что?

ВАСЯ. Когда она у тебя деньги брала?

ГРИША. Ну, с год назад. А что?

ВАСЯ. Она так со всеми?

ГРИША. Да чего ты...

ВАСЯ. Со всеми так?

ГРИША. Да она мне как родная, как сестрёнка. Ты что, влюбился? В Светку?

ВАСЯ. Нет. Шёл бы ты на работу.

ГРИША. Ладно. Там на кухне пирожки - ешь. А, позабыл. Там в холодильнике картошка с рыбой в красной сковороде.

ВАСЯ. Какая картошка?

ГРИША. Светка дала с пирожками. Сказала не есть - тебе отдать. Я там чуть-чуть съел. Ну ты прости, брат. Ладно, ты на Светку не обижайся.

ВАСЯ. Не обижаюсь я.

ГРИША. Она максималистка. Пообломается и станет как все. Поживёт...

ВАСЯ. А зачем как все?

ГРИША. Ну а как по-другому?

ВАСЯ. А если не как все, если как ты сам хочешь?

ГРИША. Ты чего, Светку наслушался!?

ВАСЯ. Нет, сам.

ГРИША. Ну, будешь не как все, и что? Всё равно все смиряются, мирятся, как-то уживаются и становятся...

ВАСЯ. Нет, надоело! Надоело писать эту чушь! Надоело их оправдывать, понимаешь!?

ГРИША. Кого их? Ты чего?

ВАСЯ. Надоело! Достало! Пишешь одно, в жизни - другое. Пишешь, что он герой, а в жизни - гад! Понимаешь!?

ГРИША. Ну что ты! Так всегда было. И что... И Светка обломается, и ты... А не обломается, так....

Слышится голос поющей Любови Юрьевны.

ГРИША. Я пойду. Мне там надо, в общем...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Гришенька, не надо захламлять холодильник. Холодильник должен быть идеально чистым, понятно? Идеальным.

ГРИША. Есть.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я не шучу, Гришенька. Это же нестерильно. Откуда вы берёте такие сковородки, такие большие, такие уродливые. Она заняла всю полку. На этой полке я ставлю свой кефир.

ГРИША. Так точно. Вот Василий прямо сейчас всё и съест. Пойдёт?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Гришенька, я же не тороплю. Я же не изверг какой. Я просто за чистоту, за уют. Зачем нам антисанитария? Есть надо не дома. Что за совковые привычки есть дома! Столько мест вокруг, столько всего построили, столько кафе и ресторанов, куда молодые люди могут пойти, а не сидеть дома. Надо чаще отдыхать, ездить по стране, ходить, путешествовать, ведь правда?

ГРИША. Правда, Любовь Юрьевна, чистой воды правда.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну вот...

Гриша уходит.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Васенька, а что-то я не видела, как ты вчера вошёл.

ВАСЯ. Как обычно.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Нет, нет... я же помню, днём было тихо, вечером не слышала. Гриша пришёл. А тебя я не слышала. Может, ты не здесь ночевал.

ВАСЯ. Здесь.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я же не против. Ночуй где хочешь, только сюда никого не приводи. Я же говорю, чего дома сидеть. Молодые люди не должны себя отягощать местом, вещами. Надо жить открыто, расставаться со всяким хламом и всем ненужным. Вот смотри, вот шарф. Вот зачем он тебе? Собирает пыль. Его ведь надо стирать. Да и не подходит он тебе. Летом - шарф. Зачем?

ВАСЯ. Берите.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Нет, если он тебе нужен. Я же просто...

ВАСЯ. Мне он не нужен.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот видишь, а мне пригодится. Так и нужно - надо отдавать то, что не нужно, чтобы было чисто, чтобы не захламлять ненужными вещами пространство. Нужен свет, простор. Вот смотри, вот мне же в самый раз. Это прямо под цвет моих глаз.

ВАСЯ. Этот шарф красный.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я фигурально, образно. Да и сковородку эту убери. И не водись с этой девицей. Пусть сама моет свою посуду. Напринесут же... а потом воду трать, моют ещё...

Любовь Юрьевна уходит.

Затемнение.

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Вечер. Вася сидит в полутёмной комнате за ноутбуком. Света спускается по лестнице, подходит к нему.

СВЕТА. Тебе понравилась?

ВАСЯ. Что?

СВЕТА. Как что? Картошка с рыбой.

ВАСЯ. Ты говорила, что ты не готовишь.

СВЕТА. Мало ли...

ВАСЯ. Да.

СВЕТА. Понравилось. Вот такие вы все.

ВАСЯ. Ты у Гриши деньги брала и тоже их бросала с балкона.

СВЕТА. Тебе что жалко его денег?

ВАСЯ. Не жалко.

СВЕТА. Я просто так... Ты придумал, о чём ты будешь мечтать?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Какой ты сегодня скучный.

ВАСЯ. И что?

СВЕТА. А расскажи мне о себе. Я же о тебе ничего не знаю.

ВАСЯ. Не хочу.

СВЕТА. Тогда я тебе расскажу... о тебе.

ВАСЯ. Да ну...

СВЕТА. Ты родился в маленьком городке за Уралом.

ВАСЯ. Почему за Уралом?

СВЕТА. Хочешь - в Карелии.

ВАСЯ. Я из Торжка.

СВЕТА. А родители тебя любили?

ВАСЯ. Мать и бабушка да. А отчим нет.

СВЕТА. А отец твой где?

ВАСЯ. Умер.

СВЕТА. Давно?

ВАСЯ. Маленьким я был.

СВЕТА. А ещё у тебя есть сестрёнка.

ВАСЯ. Два брата по отцу.

СВЕТА. Ясно.

ВАСЯ. Что тебе ясно?

СВЕТА. Тяжело тебе было.

ВАСЯ. Обычно.

СВЕТА. А писать ты стал в школе. Стихи?

ВАСЯ. Было.

СВЕТА. А я не люблю стихи. Скучные они все.

ВАСЯ. Ты же утром... ну, написала.

СВЕТА. Написала. А так не люблю.

ВАСЯ. А что ты любишь?

СВЕТА. Не знаю.

ВАСЯ. А ты о себе расскажи.

СВЕТА. Зачем? Я принцесса!

ВАСЯ. Ты!? Не верю!

СВЕТА. Почему? Я – принцесса, и мне можно всё, понял!

ВАСЯ. Ты странная.

СВЕТА. Это песня такая.

ВАСЯ. Песня!? Не слышал.

СВЕТА. А ты поёшь!?

ВАСЯ. Нет. Я не умею.

СВЕТА. Я так и думала.

ВАСЯ. Что думала?

СВЕТА. Что ты не поёшь!

ВАСЯ. А ты?

СВЕТА. А я пою.

Света начинает напевать песню. Сначала а капелла, а потом под музыку. Звучит песня группы Princesse Angine «А принцесса может всё».

СВЕТА. А принцессе можно всё, если ей только 9 лет, и у неё под ногтями грязь, и всего полтора рубля не хватает до десяти, а не хватает до десяти на леденец, а так хорошо, и если вода сам не нашёл, то мы ему поможем найти.

Света поёт сначала тихо, как будто про себя. Потом громче и под музыку. Света начинает танцевать под песню. Берёт какие-то попавшиеся ей под руки вещи и кружится с ними, напевая.

СВЕТА. А принцессе можно, а! А принцессе можно всё, если ей только 9 лет, и у неё в кармане сны и акварель, и проездной билет. А принцессе можно всё, если ей 19 лет, и у неё в голове июнь, и всего полтора часа не хватает до двадцати, а не хватает до двадцати, чтоб полюбить, а так хорошо, и если принц не зашёл, то мы сами можем зайти. А принцессе можно, а! А принцессе можно всё, если ей 19 лет, и у неё в кармане ситцевого платья чёрный пистолет.

Вася с удивлением смотрит на Свету. Он встаёт и, облокотившись на стену, смотрит на поющую и танцующую Свету.

СВЕТА. А принцессе можно всё, если ей 29 лет, и у неё в животе бутон, и врачи говорят, что он не дотянет до девяти, а ей два шага до тридцати, чтоб повзрослеть, а так хорошо, ты посади цветочек в горшок и наблюдай, как будет расти. А принцессе можно, а! А принцессе можно всё, если ей 29 лет, и у неё в кармане плеер, цитрамон и пачка сигарет.

Света хватает Васю за руки и начинает вместе с ним кружиться, напевая песню.

СВЕТА. Опять дракон по небу летит, плюёт огнём, а так хорошо, пусть говорят, что поезд ушёл, нас подберёт кортеж по пути. А принцессе можно, а! А принцессе можно всё, если ей 90 лет, и у неё в кармане сны и акварель, и проездной билет...

Вася и Света падают на диван и не могут отдышаться.

ВАСЯ. Ты хорошо поёшь.

СВЕТА. Я, как бабочка, порхаю себе и порхаю. А жизнь меня придавливает своим катком.

ВАСЯ. Ты в магазине устала?

СВЕТА. Каком?

ВАСЯ. Где ты работаешь.

СВЕТА. В магазине? Да ну... Каком таком магазине?

ВАСЯ. Ты же говорила, что ты продавщица.

СВЕТА. Придумала.

ВАСЯ. А зачем? Когда ты говоришь правду?

СВЕТА. Когда хочу.

ВАСЯ. Чем же ты занимаешься?

СВЕТА. А зачем тебе знать?! Я просто такая, какая есть. Зачем правила, условности? От них только скучно. Ты мне надоел со своими правилами. Правила - это границы, которые созданы другими, чтобы сделать тебя рабом. Кто это всё придумал? А если я учительница, тогда что?

ВАСЯ. Не верю.

СВЕТА. Мы пленники мифов. Мы сами ими становимся. Разве не так? Мы живём по дурацким правилам. А кому они нужны? Тебе?

ВАСЯ. Не знаю. А как без них?

СВЕТА. Просто. Без них просто. Жить без них просто. Жить так, как ты хочешь, как чувствуешь.

ВАСЯ. Может, ты так можешь жить, а другим нужны правила.

СВЕТА. А мне не нужны.

ВАСЯ. Законы...

СВЕТА. Это гири.

ВАСЯ. Согласен. Ну а остальное - семья, дети, воспитание, физика, наконец? Там же свои правила.

СВЕТА. Есть твой мир и твои правила.

ВАСЯ. Это анархия.

СВЕТА. Не знаю такого слова. Я просто хочу жить так, как я хочу, а мне не дают.

ВАСЯ. Кто?

СВЕТА. Все вокруг. Вот смотри, ты пишешь тексты статей... для всяких сайтов. Это всё пишешь...

ВАСЯ. Пишу.

СВЕТА. Тоже одни сплошные правила. И ложь. Правила и ложь?

ВАСЯ. Как без них. Это язык.

СВЕТА. Запятые, точки, тире – зачем? Я хочу жить по своим правилам, зачем мне эти запятые? Зачем моим мыслям, моим словам, моей жизни эти запятые?

ВАСЯ. Тебя не поймут.

СВЕТА. Кто? Ты меня понимаешь?

ВАСЯ. Понимаю.

СВЕТА. Смотри.

Света берёт листок бумаги и пишет на нём несколько слов.

СВЕТА. Здесь нужны запятые, вот здесь? Читай.

ВАСЯ. Я люблю тебя.

СВЕТА. Я, запятая, люблю, запятая, тебя. И содержание поменялось?

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Ну... и что?

ВАСЯ. А если поставить знак вопроса в конце?

СВЕТА. И что?

ВАСЯ. Это будет уже не утверждение, а вопрос.

СВЕТА. А вопрос может быть тоже утверждением, понял!

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Мы живём по правилам, они душат нас. Они не дают распахнуть наши сердца и души. Мы должны кого-то слушать. Мы читаем книги и повторяем слова каких-то людей и не задумываемся над тем, а кто они такие, правильно ли они говорили, нужно ли им верить?

ВАСЯ. А кому верить?

СВЕТА. Себе.

ВАСЯ. Но как? Чему?

СВЕТА. У тебя своя голова, свои мысли, свой мир. Верь себе.

ВАСЯ. Но как!?

СВЕТА. А потому, что все трусы. Жить по созданным правилам проще, верить во что-то проще, жить так проще, а вопрос: зачем? Чтобы прожить свои годы в пустоте!?

ВАСЯ. Ты живёшь в пустоте?

СВЕТА. Мы все живём в ней. Зачем мы живём, ты задумывался?

ВАСЯ. Конечно, думал.

СВЕТА. И что?

ВАСЯ. Что?

СВЕТА. Что ты решил? Зачем ты живёшь?

ВАСЯ. Ничего я не решил. Просто живу.

СВЕТА. Ты врёшь. Ты проживаешь, существуешь.

ВАСЯ. Допустим.

СВЕТА. А зачем? Что в итоге? Что будет в итоге? Пустота! Конец! Двадцать лет безмозглых шатаний и пустых дней, часов...

ВАСЯ. Что ты предлагаешь?

СВЕТА. Ничего. Я хочу понять, зачем жить? Зачем нам, зачем мне жить здесь, сейчас? Для чего?

ВАСЯ. Просто так.

СВЕТА. А я так не хочу. Мне нужна цель.

ВАСЯ. Ради семьи, твоих близких...

СВЕТА. Так думаешь? А им это нужно?

ВАСЯ. Не знаю. Наверное.

СВЕТА. Вот именно. А ты не задумывался, что мы рабы страха. Мы боимся будущего. Мы боимся неизбежного. И нас парализуют этим страхом.

ВАСЯ. В каком смысле?

СВЕТА. Всё отмерено. Всё указано. Всё расписано. Ты рождаешься, ты учишься, ты работаешь, ты платишь налоги... ты подчиняешься, ты обязан, ты должен... всем, всем вокруг: государству, власти, разным фирмам и людям. Тебя опутывают эти сети, и ты в них как маленькая блошка, и ты не можешь выпутаться из всего этого...

ВАСЯ. Ну... и какой выход? Что, есть выбор? Ведь в любой стране мира так.

СВЕТА. Выбор!? Есть. Есть выбор. Смотри.

Света быстро залезает на лестницу и держится за перекладину одной рукой.

СВЕТА. Смотри, вот видишь, моя рука. Я держусь ею за эту перекладину. Всего одна перекладина.

ВАСЯ. И что?

СВЕТА. Я отпущу свою руку - и улечу.

ВАСЯ. Ты что!?

СВЕТА. И всё! И мне не страшны условности, мне не страшны их правила, их порядки. Они боятся этой смерти. А я – нет! Мне ничто не страшно. Всего лишь разожму пальцы и всего лишь несколько секунд. А потом - бах... И никто мне не страшен!

ВАСЯ. Ты думаешь, там всё иначе?

СВЕТА. Посмотрим! Видишь, сейчас я разожму - и всё.

ВАСЯ. Не делай этого!

СВЕТА. Скажи, зачем? Скажи, что взамен?

ВАСЯ. Не делай этого!

СВЕТА. Зачем мне жить? Скажи!

ВАСЯ. Не делай этого!

СВЕТА. Смотри! Я считаю до трёх - и разжимаю руку!

ВАСЯ. Зачем! Я-то тут причём!

СВЕТА. Трусишь! А я нет. Раз! Слышишь, раз!

ВАСЯ. Ты не сделаешь этого!

СВЕТА. Трус! Два! Я не шучу, слышишь, два!

ВАСЯ. Не прыгай! Не надо!

СВЕТА. Зачем мне жить? Ну, зачем? Говори! Два! Будет – три...

ВАСЯ. Ты сумасшедшая!

СВЕТА. Два с половиной! Слышишь, говори!

ВАСЯ. Не прыгай!

СВЕТА. Зачем жить? Мне зачем жить? Ну, три! Три! Смотри. Сейчас будет всё...

ВАСЯ. Для меня!

СВЕТА. Что?

ВАСЯ. Для меня! Я люблю... Я люблю тебя! Ты мне нравишься...

Света долго молчит и внимательно смотрит на Васю, потом говорит.

СВЕТА. Да ну тебя, я пошутила. Дурак ты.

Света лезет вверх. Вася стоит посреди балкона.

Затемнение.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ

День. Светло. В комнате сидят Вася и Гриша.

ГРИША. Ты чего такой хмурый? Молчишь всё.

ВАСЯ. Ведь никому верить нельзя. Всё ложь.

ГРИША. Ты о чём!?

ВАСЯ. Читаешь и думаешь, а может, это заказуха, а может, это пиар, ложь, неправда. Всё... Всё вокруг. Отзывы в Интернете покупают, комментарии покупают, людей покупают, их

мнение... жизни их.

ГРИША. Думаешь?

ВАСЯ. А как? Получается, всё стоит чего-то. Промолчишь – заплатят. Напишешь что надо – тоже заплатят. А если по-честному, то тебя просто... просто...

ГРИША. Что просто?

ВАСЯ. Выкинут, поднимут на смех, уволят... что угодно с тобой сделают, если ты идёшь против них.

ГРИША. А может, не надо идти.

ВАСЯ. Скажи, Гриша, а зачем я здесь живу?

ГРИША. Ну, не знаю. Цена подходящая, от центра близко.

ВАСЯ. Да нет, зачем я тут, вот на этом свете?

ГРИША. О, брат, ты это не меня спрашивай, а Светку. Она тебе порасскажет.

ВАСЯ. Учиться, жить, работать... Вот зачем это всё?

ГРИША. Да ты, глядишь, уже её наслушался.

ВАСЯ. Ну и что?

ГРИША. Глаза красные. Глядишь, всю ночь не спал.

ВАСЯ. Скажи, я трус?

ГРИША. Да какой трус...

ВАСЯ. Я всё думал, Светка же права.

ГРИША. Она ещё маленькая. Она ещё ничего не знает.

ВАСЯ. А что ей надо знать?

ГРИША. Понимаешь, брат, говорить-то можно что угодно.

ВАСЯ. В каком смысле?

ГРИША. В прямом. Можно говорить о смысле жизни, о том, для чего и как. А на самом деле, вот, ну, ты узнаешь этот смысл жизни истинный, и что?

ВАСЯ. В каком смысле?

ГРИША. Ну, узнаешь ты, зачем люди на этом свете белом живут, и что?

ВАСЯ. Не понимаю. А что!

ГРИША. Да ничего не изменится. В твоей жизни ничего не изменится. Можно, вот, толковать долго о том да о сём.

ВАСЯ. Но ведь об этом все говорят – о смысле жизни.

ГРИША. Узнаешь ты этот смысл жизни, и что? Твоя жизнь перевернётся?

ВАСЯ. Да.

ГРИША. Не фига.

ВАСЯ. Почему?

ГРИША. Да потому что ты ничего не поймёшь.

ВАСЯ. Пойму.

ГРИША. Знаешь, Вася, у всех свой смысл жизни. И чтобы там кто ни писал и ни говорил – это только их слова и их дела. А понять ты сам должен, и не из чужих слов.

ВАСЯ. А из чего?

ГРИША. А я откуда знаю!

ВАСЯ. А вот ты зачем живёшь!?

ГРИША. Зачем я копчу эту землю?

ВАСЯ. Ну да.

ГРИША. Это Светка так говорит, что они землю только коптят. А я живу, чтобы жить.

ВАСЯ. Пить пиво?

ГРИША. По вечерам. И есть чипсы.

ВАСЯ. Правда?

ГРИША. А почему нет?

ВАСЯ. Но это же глупо.

ГРИША. Какой ты серьёзный!

ВАСЯ. Ты шутишь?

ГРИША. А ты хочешь, чтобы я, как Светка, прочитал тебе лекцию о смысле жизни.

ВАСЯ. Я тебя просто спрашиваю.

ГРИША. Да некогда мне думать. Работать надо.

ВАСЯ. Вот так?

ГРИША. А чего так. У меня мать под Нижним, сестрёнка, отец к постели прикован. Деньги им нужны – вот и весь смысл жизни. Давай, не грусти. Мне пора.

ВАСЯ. Прости.

ГРИША. Да что ты, я тоже когда-то думал о том же.

ВАСЯ. Знаешь...

Входит Любовь Юрьевна.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Хорошо, что вы тут вместе.

ГРИША. Надо на троих сообразить или что?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да ну тебя. Вот, читай.

ГРИША. Это что?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Это я участковому отнесу - заявление на соседей.

ГРИША. На каких теперь?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. На тех же, на верхних.

ГРИША. Очередное? И чем они опять провинились?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Хулиганят! Хулиганят! Ты читай, там всё написано. Девку эту, хулиганку, и её бабушку старую. Дам я им жару, девке этой!

ГРИША. А зачем мне читать?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Подпишешь. Чтобы коллективно всё было.

ГРИША. Так что она сделала-то?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что!?

ГРИША. Ну да.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я пошла с ними ругаться, ну, сказать, что шумят они, что воду постоянно льют, понимаешь! А она... Я с этой соседкой старой говорю, понимаешь, объясняю ей. А эта девка стоит, такая деловая, так зло на меня смотрит. И пошла. Ушла, значит. И воду в ванной льёт. Я думаю, ну и пусть. От греха подальше. А потом выходит с ведром. Я думаю, ну, полы, наверное, будет мыть. И этой соседке старой...

ГРИША. Мерь Петровне.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Да всё равно, не перебивай. А она, девка эта, сучка эта, проститутка эта, террористка эта, экстремистка, понимаешь... Она, понимаешь... Я-то думала, что она полы мыть будет. Смотрю, что встала она рядом со мной и стоит с ведром. Бабка её стоит. А она потом так бабушку отодвинула и взяла... Это страшно... И окатила меня.

ГРИША. Как окатила!?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Сучка эта, проститутка эта, облила меня всю и так ещё смеётся, говорит, что буду я знать... Подпиши, Гриша.

ВАСЯ. Дура!

Любовь Юрьевна не понимает, что это её Вася назвал душой.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Вот молодец! Это Светка такая. Её в сумасшедший дом надо. Это же психическое – явно.

ВАСЯ. Вы – дура!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что!?

ГРИША. Ладно... Ну, остынь.

ВАСЯ. Вы всем жизнь портите - мелкая, противная, старая карга!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты... ты... ты... мне!? Карга!? Старая!?

ГРИША. Вась...

ВАСЯ. Света...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Света, Света... Это ты от неё понабрался. Террорист, молокосос! Развели тут бодягу! Да я тебя и её сдам в психдеспансер. Оппозиция тут нашлась! На госдеп работаешь! Сам придурок! Дурак! И Светка дура! Проститутка она! Да, понял! Проститутка!

ГРИША. Вась, остынь!

Вася рвётся что-то сказать, подойти к Любове Юрьевне. Гриша его удерживает.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я то знаю. Всё слышу. Водит она туда всех. Весь дом говорит, все знают, что она проститутка! А театр - это у неё так, прикрытие. Знаем мы!

ГРИША. Остынь, Вася!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Проститутка. Вот пусть проверят её. Пусть её и бабку её сраную.

ГРИША. Ладно вам, какая она проститутка!?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Прямая! Весь подъезд знает.

ВАСЯ. Вы, вы... старая индюшка.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что!? Ты мне!?

ГРИША. Вася! Да он шутит.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Шутит. Этот говнюк!

ВАСЯ. Сами вы проститутка.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я его боюсь.

ГРИША. Да он не в себе.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Дурак!

ВАСЯ. Курица!

ГРИША. Он плохо спал.

ВАСЯ. Вы...

ГРИША. Успокойся.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я его выселю. Терпеть это в собственном доме!

ВАСЯ. Не смейте трогать Свету!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ой, ой, ой... Не смейте трогать...

ВАСЯ. Она хорошая!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Хорошая, хорошая...

ГРИША. Вась...

ВАСЯ. Дура старая!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты смотри, приютила тут, обогрела тут...

ГРИША. Он не в себе.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Посадят твою Свету и бабку её посадят.

ВАСЯ. Не посадят! Вас в психушку посадят!

ГРИША. Вася...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Выметайся! Вот прямо сейчас уходи! Забирай свои вещички.

ГРИША. Ну, Любовь Юрьевна...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Я, я ведь к нему со всей душой, а он... Гриша, ну это же несправедливо. И цену маленькую поставила и присматривала за ним, как мать.

ГРИША. Он не нарочно.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Наркоман!

ВАСЯ. От такой же и слышу!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты слышал!?

ГРИША. Он не наркоман, он плохо спал.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Спал... спал... Нет, выметайся! Убирайся!

ВАСЯ. Деньги верните, задаток!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Что!?

ВАСЯ. Задаток.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Не знаю ничего.

ГРИША. Правда, Любовь Юрьевна!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Не знаю, не знаю.

ВАСЯ. Задаток верните – мои пятнадцать тысяч. И вперёд я за месяц заплатил, слышите!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты смотри, юркий какой! Задаток! Как кричать, так тебе нормально.

А теперь задаток.

ГРИША. Ну, правда.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Выметайся, а то полицию вызову – они с тобой быстро разберутся.

ВАСЯ. Деньги отдай! Старуха! Подлючка!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты смотри, это ж надо!

ГРИША. Любовь Юрьевна... Вася!

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ты смотри, приютила! Убирайся, бандит!

ГРИША. Вась, ну что ты! Ну куда ты пойдёшь?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А чего ты его защищаешь?

ГРИША. Ну куда он пойдёт? Погорячился. Может, до вечера, а? Я - на работу, вы - в полицию, а вечером всё и уладим.

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. А он мне тут весь дом разнесёт, да!?

ГРИША. Не разнесёт, я ручаюсь. Вась, ну скажи. Где он сейчас что найдёт. Вы бы несколько дней дали бы, а?

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну да... Я, вот такая старая карга, должна идти на поводу таких молокососов!

ГРИША. Ладно вам, он же любя. Какая вы старая? Ну, Любовь Юрьевна. А, Вась...

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА. Ну, ну... уговаривайте, нашлись тут, приютила тут... Это девка эта так влияет, всех подговаривает. Её влияние! Я вам покажу! Сейчас участкового приведу, чтобы тобою занялся, документы твои проверил. Нашлись тут...

Любовь Юрьевна, махая руками, уходит.

ГРИША. Любовь Юрьевна, ну что вы! Какой участковый!?! Зачем? Любовь Юрьевна! Ну простите его! Вась, ну что на тебя нашло!?

ВАСЯ. Она – дура.

ГРИША. Ну и что. Куда ты пойдёшь? Выгонит - и всё. Сейчас ещё этого дружка с собой приведёт.

ВАСЯ. Всё равно. Свету пусть не трогает!

ГРИША. Влюбился?

ВАСЯ. Отстань.

ГРИША. Слушай, мне пора. А вечером я её попробую задобрить. А ты из комнаты не высовывайся, молчи больше, ну, если появится, понял?

Молчание.

ГРИША. Ну, ты понял? Не суетись тут.

Вася машет рукой. Гриша уходит. Вася ходит нервно по комнате и не может успокоиться.

Свет гаснет.

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

День. Вася лежит на диване. Рядом с ним Света. Она пытается его растолкать.

СВЕТА. Ты что, Вась, ты обиделся? За вчерашнее? У меня такое бывает. Ну что ты, это же пустяки.

ВАСЯ. Уйди.

СВЕТА. Ну что ты. Тебя эта старуха вывела, да? А ты не бойся. Мы на неё найдём управу.

ВАСЯ. Уйди.

СВЕТА. А ты к нам с бабушкой иди жить. Будет весело. У нас и комната есть свободная. А денег с тебя брать не будем. Ты чего молчишь?

Вася пытается отпихнуть Свету.

СВЕТА. Ты чего пихаешься? Ну хватит дуться. Я же пошутила вчера. И не собиралась я прыгать. Я же не дура. Зачем мне руку отпускать. Я жить хочу. Это шутка была. А ты поверил....

Вася поворачивается.

ВАСЯ. Пошутила!?

СВЕТА. Да, пошутила, а что?

ВАСЯ. А я не шутил.

СВЕТА. Ну ты чего?

ВАСЯ. Я думал, ты настоящая, а ты такая же.

СВЕТА. Какая такая?

ВАСЯ. Фальшивая.

СВЕТА. Я – фальшивая!?

ВАСЯ. Да.

СВЕТА. Дурак.

ВАСЯ. Ты – играешь. А для меня... для меня... не игры это.

СВЕТА. Что ты завелся?

Вася вскакивает.

ВАСЯ. И ты не разжала бы руки!?

СВЕТА. Да нет.

ВАСЯ. Не разжала бы, не прыгнула бы?

СВЕТА. Нет, ты куда?

Вася вбегает на балкон и хочет перелезть.

СВЕТА. Васька, ты что? Ты же упадёшь!

ВАСЯ. Уйди.

СВЕТА. Стой!

Света бросается за ним и пытается удержать. Вася отбивается от неё.

СВЕТА. Это не шутки, ну что ты.

ВАСЯ. А я и не шучу, слышишь!

СВЕТА. Иди сюда.
ВАСЯ. Отойди.
СВЕТА. Ну же, давай руку. Упадёшь же.
ВАСЯ. Ну и что. Отойди.
СВЕТА. Васька!
ВАСЯ. И что!?
СВЕТА. Иди сюда.
ВАСЯ. Ты думала, я не смогу, что я слабый, что я трус, что я только глупости могу...
СВЕТА. Да не думала я.
ВАСЯ. Что я не залезу.
СВЕТА. Вася, иди сюда. Дай руку.
ВАСЯ. И никто меня не удержит. Я сам знаю, что делать, слышишь!
СВЕТА. Вася.
ВАСЯ. Сейчас разожму руку - и всё! Ты слышишь?
СВЕТА. Ты с ума сошёл!
ВАСЯ. А если и сошёл, то что?
СВЕТА. Не делай глупостей!
ВАСЯ. Это ты мне говоришь?
СВЕТА. Тебе. Дай руку.
ВАСЯ. Отойди, слышишь!
СВЕТА. Дай руку.
ВАСЯ. Отойди, а то я отпущу руку, упаду.
СВЕТА. Дай руку!
ВАСЯ. Слышишь!

Света отходит чуть дальше.

ВАСЯ. А теперь скажи, зачем мне жить?
СВЕТА. Ты шутишь!
ВАСЯ. Нет.
ВАСЯ. Я считаю до трёх и отпущу руку. И всё, слышишь!
СВЕТА. Дурак!
ВАСЯ. Раз!
СВЕТА. Ты не посмеешь!
ВАСЯ. Посмею! Я не шучу!
СВЕТА. Не надо.
ВАСЯ. Два!
СВЕТА. Не делай этого. Зачем?
ВАСЯ. Я не хочу быть таким, какой я есть, слышишь! Я не хочу жить в этой стране! Я не хочу подчиняться! Я устал от этого! Я не могу... Зачем? Для чего? Ты понимаешь, зачем я учился, зачем ехал сюда? Зачем всё? Чтобы вот так!
СВЕТА. Да... Да...
ВАСЯ. Ничего ты не понимаешь. Ты только играешь.

Света смотрит в сторону, а потом говорит быстро.

СВЕТА. Когда поздно ночью раздался звонок, мы остались с бабушкой на даче, я заболела. Бабушка осталась, а мама, папа, Олежик и Полька поехали в Москву, слышишь. Бабушка выронила телефон. Я на неё смотрела, и мне было страшно, понимаешь? Они все погибли. Сенатор Артамонов со свитой ехал в аэропорт, охрана выехала на встречу, а папа не смог уклониться. Он врезался в фуру. Они все насмерть. А Полечка ещё жила два дня. Мы с

бабушкой поехали в Москву. Полечка, малютка, сестрёнка, она ничего не понимала. А врач меня отозвал тогда в сторону, меня, пятнадцатилетнюю девчонку, и сказал: ты взрослая, ты должна знать, она не выдержит, её скоро не станет. А бабушке он не стал говорить. Он побоялся, что и она не выдержит. И Полечки не стало. А потом мы их всех хоронили. На бабушку нельзя было и смотреть. Мы ходили из морга в агентство, на кладбище, в собес... А потом моего папку обвинили в том, что это он во всём виноват, слышишь! Бабушка писала, ходила, хотела добиться правды. А виновником аварии сделали папку. А он аккуратно водил, слышишь... И их не стало, Полечки, Олежки, мамы и папы... А сенатор не позвонил и не пришёл! А судья нас и не слушала. Ей было всё ясно. Никому мы не были нужны. Они были правы... А мы... И остались мы одни с бабушкой, я и она. А как я её брошу? Она без меня не выживет, понимаешь! Ты что?

ВАСЯ. Я боюсь.

СВЕТА. Подожди. Дай руку, ногу. Перелезай. Аккуратно.

Света и Вася стоят на балконе, облокотившись о стенку. Васе явно плохо, он не может смотреть вниз.

ВАСЯ. Я же трус!?

СВЕТА. Нет.

ВАСЯ. А сколько им было?

СВЕТА. Кому?

ВАСЯ. Полечке и Олежику.

СВЕТА. Полечке и трёх годиков не было, а Олежику шесть исполнилось.

ВАСЯ. А этот сенатор?

СВЕТА. А что он?

ВАСЯ. Он как-то помог?

СВЕТА. Он прислал адвоката.

ВАСЯ. И что?

СВЕТА. Адвокат сказал бабушке, что если она будет рыпаться, то меня у неё отнимут.

Молчание.

ВАСЯ. Прости.

СВЕТА. Ничего. Когда я была маленькой, то мне казалось, что всё всегда будет хорошо. Что всегда будет мама, что всегда будет папа, что я буду расти, что я буду учиться, что я буду играть в театре, что на мои спектакли будут приходить бабушка, мама, папа, сестрёнка, братик, что они будут радоваться за меня, что они будут любить меня. Всегда! А сейчас, когда я стою на сцене и играю в спектакле, а прожектор светит мне в лицо, и я не вижу зал и только на мгновения я вижу лица зрителей, мне иногда чудится, что они сидят там, все в рядок, мама, папа...

Света плачет.

ВАСЯ. Прости меня, Света.

СВЕТА. А их там нет. Их уже никогда не будет. И как будто и не было. А когда я вижу, что эти гады ходят, что они живут, что они процветают...

ВАСЯ. Я больше ничего не буду про них писать, про этих...

СВЕТА. Я так хотела, чтобы они все были живы... мама, папа, братик, сестрёнка...

ВАСЯ. Прости.

СВЕТА. Как же всё несправедливо! Почему? Когда это случилось, я стала другой... А зачем? Что меня остановит? Их правила, их законы. Они отняли у меня всё. Я их ненавижу! Они

разрушили моё детство, они отняли у меня всё то, что я любила...

ВАСЯ. Да...

СВЕТА. Но я не сдамся, понял? Пусть они жируют, а я буду жить, чтобы бороться.

ВАСЯ. Ты хорошая. Ты...

СВЕТА. Слышишь, как Дон Кихот!

ВАСЯ. Что?

СВЕТА. Я видела жизнь такой, какова она есть!

ВАСЯ. Ты... ты о чём!?

СВЕТА. Молчи, вот что...

ВАСЯ. Да...

СВЕТА. Я видела жизнь такой, какова она есть, - страдания, нищета и безудержная жестокость. Я слышала глупые бредни пьяных гуляк в пивнушках и стоны нищих на улицах.

Вася вначале не понимает, что говорит Света. Света декламирует слова Дон Кихота.

ВАСЯ. Ты о чём?

СВЕТА. Я видела, как люди погибали. Я видела, как они встречали свою смерть.

ВАСЯ. Какую смерть? Кто?

СВЕТА. Все они принимали жизнь такой, какова она есть, и все они умирали в отчаянии, бесславной и недостойной смертью. В их глазах было смятение, и они задавали лишь один вопрос: «Почему?». Нет! Они не спрашивали, почему они умирают! Они спрашивали, почему им так плохо жилось! Кто ответит!? Что такое безумие, когда весь мир похож на сумасшедший дом, где люди страдают от одиночества, хотя проще всего было бы помочь друг другу! Предаваться мечтам – да, это, вероятно, безумие! Но мечта – это надежда разума! Безумие отказаться от неё! Искать сокровище там, где есть только мусор, - безумие. Но выбросить жемчужину только потому, что она из навозной кучи, – тоже безумие! А самое худшее безумие – видеть жизнь такой, какова она есть, не замечая того, какой она должна быть!

ВАСЯ. Это что? Ты о чём?

СВЕТА. Так... Монолог.

ВАСЯ. Чей?

СВЕТА. Дон Кихота.

ВАСЯ. Ясно.

СВЕТА. Дай руку.

Вася даёт руку Свете.

СВЕТА. Если бы ты прыгнул, я бы прыгнула за тобой.

ВАСЯ. Ты!?

СВЕТА. Да.

ВАСЯ. Зачем.

СВЕТА. Ты мне нравишься, понимаешь!

ВАСЯ. Я!?

СВЕТА. Полззли ко мне наверх.

ВАСЯ. Зачем?

СВЕТА. Я тебя познакомлю с бабушкой.

ВАСЯ. Я боюсь.

СВЕТА. Стой.

ВАСЯ. Что?

СВЕТА. На.

Света протягивает Васе купюру.

СВЕТА. Нашла внизу. Забыла отдать. Держи.

ВАСЯ. Мои!?

СВЕТА. А чьи? Дай мне руку.

ВАСЯ. Я не смогу.

СВЕТА. Сможешь!

ВАСЯ. Нет.

СВЕТА. Надо только не смотреть вниз.

ВАСЯ. Мне страшно.

СВЕТА. Не смотри вниз. Дай руку. Люди смотрят вниз. А надо смотреть вверх! Всегда только вверх, Туда!

ВАСЯ. Куда?

СВЕТА. На солнце. Давай руку. Держись.

Света начинает громко кричать слова из песни. Они поднимаются наверх по лестнице.

СВЕТА. Солнечный круг, небо вокруг.

ВАСЯ. Небо?

СВЕТА. Это рисунок мальчишки! Нарисовал он на листке и подписал в уголке.

ВАСЯ. Мальчишка?

СВЕТА. Пусть всегда будет солнце! Пусть всегда будет мама! Пусть всегда будет небо! Пусть всегда буду я! Слышишь!

ВАСЯ. Пусть всегда будет солнце!

СВЕТА. Пусть всегда будет мама!

ВАСЯ. Пусть всегда будет небо!

СВЕТА. Пусть всегда буду я!

ВАСЯ. Это песня! Я её помню.

СВЕТА. Да, она. Слышишь! Люди пугаются взрывов! Людям так хочется мира! Против беды! Против войны! Солнце навек! Счастье навек! Не смотри вниз! Держись! Это не страшно!

ВАСЯ. Хорошо. Я держусь.

СВЕТА. Губы упрямо твердят! Солнце навек! Счастье навек! Так повелел человек!

ВАСЯ. Пусть всегда будет солнце!

СВЕТА. Пусть всегда будет мама!

ВАСЯ. Пусть всегда будет небо!

СВЕТА. Пусть всегда буду я!

Звучит инструментальная версия песни «Пусть всегда будет солнце». Вася и Света под музыку исчезают, поднимаясь по лестнице. Музыка затихает, свет гаснет.

После паузы сцена ярко освещается – так, как в солнечный день. Звучит песня «Пусть всегда будет солнце» в исполнении детского хора. Из-за кулис выходят артисты на поклонь.

Ноябрь 2018 г. – март 2020 г.

Москва.

В тексте пьесы использованы:

Песня группы PRINCESS ANGINE «А принцессе можно всё»;

«Пусть всегда будет солнце» - песня на музыку Аркадия Островского на стихи Льва Ошанина;

Отрывок монолога Дон Кихота из спектакля-мюзикла «Человек из Ламанчи»;

Николай Некрасов – эпиграмма на роман Льва Толстого «Анна Каренина»;

Юнна Мориц - «А больше всего мне нравится»;

Владимир Высоцкий - «Я спокоен – Он мне всё поведал».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Равнодушие? А что это такое? Ведь оно повсеместно. Судья с большой халатностью и равнодушием отнесётся к материалам дела и поставит невиновного в безвыходное положение. Это равнодушие. Чиновник ухмыльнётся и напишет в ответ на жалобу или обращение очередную отписку. И это равнодушие. Врач в поликлинике с укоризной и злобой посмотрит на входящего очередного пациента. И это равнодушие. Учитель скажет, что ему за это не платят и что он что-то там не обязан делать. И это равнодушие. Президент страны, глава правительства, депутаты в очередной раз будут говорить прописные истины и ничего не делать – и это равнодушие. А может, хватит!? Может назвать всех своими именами!? Ведь страшнее всего не прямое убийство. Если ты убил человека, то тебя посадят и накажут. А что делать с чиновником и любым иным должностным лицом, когда по его вине, по их косвенной вине гибнут, умирают тысячи и сотни тысяч людей. Чиновники остаются «честными» и «уважаемыми» людьми, и им не грозит никакая ответственность. Чиновники и власти приняли те законы, которые защищают их от любой ответственности. А если назвать всё своими именами, назвать настоящих убийц и преступников? Но проще, видимо, бояться, не замечать и жить так, как живём. Проще считать честных людей сумасшедшими и больными. Проще терпеть постоянные унижения и подачки и с укоризной смотреть на тех, кто говорит правду. Зачем её говорить, если она всем известна. Но если она, эта правда, всем известна, то почему вы молчите? Равнодушие, трусость, злоба – что будет с обществом, когда все станут равнодушными и трусливыми? В кого мы превратимся?

Многие скажут, что главная героиня этой пьесы - сумасшедшая, бесшабашная и развязная девка. О, да... Это просто сделать! Это мы умеем! Мы умеем вешать на всех ярлыки. Мы умеем всех обзывать. Но скажите, а что ей остаётся, когда по вине одного высокопоставленного чиновника, которого нельзя привлечь к ответственности, практически вся её семья погибает. У моей героини остаётся только одно право – быть такой, каким является этот мир, быть сумасшедшей, быть шутком в этом мире бесправия и нищеты. Сумасшедшим позволено намного больше, чем остальным. Разве нет так? Назвать всех своими именами: врагов – врагами, трусов – трусами, убийц – убийцами, воров – ворами!

И именно благодаря таким людям, как моя героиня, мир ещё есть, мир ещё живёт и не превратился в отвратительное чадающее болото трусости, несправедливости, бесправия. Пока есть кто-то один, кто говорит про то, что есть на самом деле, пока есть тот, кто говорит правду, есть и надежда, что и остальные, наконец, задумаются. Есть надежда на то, что люди начнут относиться друг к другу с теплом и неравнодушно. Можно спросить, что такое правда или справедливость? А не лучше ли спрашивать, почему существует неправда и несправедливость, и почему в моей стране в 21-м веке есть сверхбогатые и есть нищие и бесправные люди, и почему недра, леса и национальные богатства принадлежат кучке людей.

Мне хочется, чтобы моя страна была страной свободных людей, а не страной бесправных рабов, боящихся любого окрика.

В пьесе есть отсылки к спектаклю «Человек из Ламанчи», где с 2005-го года блистательно играл Владимир Михайлович Зельдин, призывая всех к добру и любви. И мне хочется посвятить эту пьесу ему. А также хочется поддержать и посвятить эту пьесу всем униженным, поруганным, безвинно наказанным людям, жертвам преступлений чиновников и власть придержащих. Мне хочется верить в то, что правда будет на стороне простых и честных людей, а зло будет наказано. Я верю, что мои герои будут жить честно и бороться за справедливость.

Мне хочется сказать ещё вот о чём. Эта пьеса во многом схожа и по смыслу, и по содержанию с другой моей пьесой «Когда ты мне приснишься». Там также есть главные герои – девушка Вера и парень Ваня. Есть и злая соседка, и добрый вахтёр. Я долго думал, а не стал ли я писать одинаковые, повторяющие друг друга тексты. Не стал ли я повторяться. Эти мысли меня останавливали в том, чтобы закончить эту пьесу. Повторяюсь я или нет - судить читателю, который прочтёт обе пьесы. Но мы в любом случае повторяемся, когда говорим о любви, о правде, о справедливости, о добре и зле. Просто говорим об этом разными словами и разными образами. И основной философский вопрос в литературе – это вопрос о смысле жизни. Задаются этим вопросом и мои герои. Ищут ответ на эти вопросы и каждый зритель, и каждый читатель. Но самое главное – это не останавливаться, идти и бороться так, как это делал легендарный герой Владимира Зельдина.